Дневник; 2 апреля - 3 октября 1837 г; Кавказ

Николай Васильевич Симановский

SHOUT
SHARE
IT

- Симановский Николай Васильевич

Симановский Николай Васильевич Дневник; 2 апреля - 3 октября 1837 г; Кавказ

Симановский Николай Васильевич

Дневник. 2 апреля - 3 октября 1837 г., Кавказ.

{1}Так обозначены ссылки на комментарии к персоналиям. Комментарии в конце текста книги.

{*1}Так обозначены ссылки на подстрочные примечания. Примечания в конце текста книги.

Из предисловия: Дневник Симановского - яркое документальное свидетельство истории и культуры России конца 1830-х гг. Центральное место в нем занимает описание летней экспедиции 1837 г., окончившейся царским смотром в Геленджике.

С о д е р ж а н и е

Предисловие (И. Грозова)

Дневник

Примечания, размещенные после текста

Подстрочные примечания

Предисловие

Более 150 лет отделяет нас от событий, описываемых Николаем Васильевичем Симановским - участником экспедиции Отдельного Кавказского корпуса в 1837 1838 гг., - однако проблемы, которые пыталось решить тогда Российское государство, так и остаются болезнями нашего общества. Всякое лечение, как известно, начинается с тщательного исследования истории болезни, одну из страниц ее мы и предлагаем читателю.

Дневник поручика, в будущем - генерал-лейтенанта Н. В. Симановского хранится в рукописном отделе Российской национальной библиотеки, в собрании П. Н. Тиханова, и до сего года значился как "Дневник офицера, прикомандированного к Навагинскому полку, действовавшему на Кавказе. Апрель 1837 - сентябрь 1838" (ф. 777 (П. Н. Тиханов), оп. 3, No 326(1-4). Дневник кавказского офицера из окружения М. Ю. Лермонтова никогда не публиковался. Однако, несмотря на это, он вошел в научный оборот: запись, сделанную Н. В. Симановским 14 декабря 1837 г.: "В Прохладной встретил я Лермонтова, едущего в С.-Петербург", - мы находим в "Летописи жизни и творчества М. Ю. Лермонтова", составленной В. А. Мануйловым.{*1}

При подготовке публикации самой сложной проблемой стала

атрибуция. Основанием для нее послужили следующие сведения, содержащиеся в дневнике: автор - гвардейский офицер, кавалерист, прикомандированный к Отдельному Кавказскому корпусу для участия в экспедиции против горцев; большинство людей, с которыми он переписывался и чьими судьбами интересовался, служили в лейб-гвардии Уланском полку, поэтому можно было предположить, что автор дневника был офицером того же полка. Кроме того, в дневнике упоминается императорский смотр его полка, проходивший 7 апреля 1837 г. Среди изданных указов по военному министерству сведений о смотре 7 апреля и о прикомандировании офицеров для участия в экспедиции 1837 г. не было. Поиски сдвинулись с мертвой точки, когда среди изданий, поступивших в Российскую национальную библиотеку из расформированной после 1917 г. библиотеки военного министерства, были обнаружены подобранные по годам не публиковавшиеся приказы, и среди них - "Приказы по Отдельному Гвардейскому корпусу", содержащие список всех офицеров, прикомандированных в 1837 г. к Отдельному Кавказскому корпусу. Согласно приказу Николая I, с 1835 по 1845 г. из "каждого гвардейского полка ежегодно командировалось по одному офицеру на Кавказ..."{*2} В одном из приказов сообщается о том, что 7 апреля 1837 г. состоялся смотр л.-гв. Уланского полка{*3}, от этого полка на Кавказ был послан поручик Симановский{*4}. Последние сомнения окончательно рассеялись, когда в том же собрании П. Н. Тиханова, в котором хранится дневник, был найден автограф Н. В. Симановского - "Записки о походе Гвардейского корпуса к Западной границе. 26 мая - 16 сентября 1849 г."; сопоставление их с дневником показало, что они написаны одним и тем же почерком. Автор дневника был установлен.

Николай Васильевич Симановский (1811-1877) происходил из потомственных дворян Черниговской губернии. Окончив Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров 8 ноября 1833 г., он был зачислен в л.-гв. Уланский полк.

В 1837 г. в чине поручика Н. В. Симановский был отправлен на Кавказ и за участие в экспедиции против горцев под командованием генерал-лейтенанта А. А. Вельяминова был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами. По возвращении с Кавказа он продолжал службу в л.-гв. Уланском полку, а с 1840 по 1848 г. исполнял должность адъютанта штаба 1-й легкой кавалерийской дивизии, где получил чин штабс-ротмистра, а потом - ротмистра. В декабре 1849 г. Н. В. Симановский был произведен в полковники и назначен командиром 1-го дивизиона л.-гв. Уланского полка.

В 1868 г. Н. В. Симановский - уже генерал-лейтенант и в следующем году назначен председателем петербургского военно-окружного суда, а в 1872 г. членом главного военного суда. Он удостоился нескольких наград, среди которых - ордена Св. Анны 3-х степеней, ордена Св. Владимира 2-х степеней и орден Св. Станислава 1-й степени.

Скончался Н. В. Симановский 12 июля 1877 г. и был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры{*5}.

Дневник Симановского - яркое документальное свидетельство истории и культуры России конца 1830-х гг. Центральное место в нем занимает описание летней экспедиции 1837 г., окончившейся царским смотром в Геленджике. Но здесь рассказывается и о поездке Н. В. Симановского в Тифлис в декабре 1837 г. январе 1838 г., и о его службе в Хоперском казачьем полку зимой 1838 г., а также о лечении в Ставрополе и Пятигорске. Последняя запись сообщает о том, что 9 сентября 1838 г. он выехал из Ставрополя в Петербург.

В "Звезде" публикуются страницы, посвященные экспедиции и смотру войск в Геленджике. Согласно . плану завоевания Северо-Западного Кавказа, предложенному графом И. Ф. Паскевичем, с 1833 г. два раза в год, зимой и летом, по территории горцев совершались рейды (экспедиции), во время которых изучалась местность, разорялись аулы и строились небольшие, почти не сообщавшиеся между собой крепости. Постройка таких крепостей на побережье Черного моря должна была воспрепятствовать торговле местного населения с Турцией. Эта тактика себя не оправдала, но экспедиции не прекращались.

Задачи летней экспедиции 1837 г. были серьезнее предыдущих: отряд должен был действовать к юго-востоку от Геленджика, там, куда еще не проникали русские войска; нужно было занять устья двух рек, Пшады и Вулана, и построить в них укрепления. Летняя экспедиция завершилась удачно, все задачи были выполнены, зимняя же экспедиция была отменена Николаем I, который во время своей поездки по Кавказу произвел много изменений в командном составе Отдельного Кавказского корпуса. Это было первое в истории посещение Кавказа русским царем{*6}.

Н. В. Симановский - не единственный участник экспедиции, оставивший ее описание, и на фоне других документальных произведений{*7} выявляются особенности освещения этих событий в дневнике: во-первых, записи в нем производились ежедневно, что позволяло избежать путаницы в фактах и датах; во-вторых, в дневнике с одинаковой подробностью описываются

все этапы экспедиции (передвижения отряда, сражения, постройки крепостей, фуражировки), ежедневно отмечается количество убитых, раненых и контуженых; в-третьих, Н. В. Симановский вел дневник для себя и не готовил его к публикации, поэтому здесь упоминаются вещи, которые вряд ли были бы пропущены цензурой, например, задержки жалования и трудности с питанием в отряде.

На страницах дневника встречаются имена многих людей - от известных государственных и военных деятелей до простых граждан, имена поэтов и писателей, например, М. Ю. Лермонтова, с которым Н. В. Симановский был знаком лично. Он дает богатый материал для комментирования художественных текстов, посвященных кавказской теме, таких, как произведения М. Ю. Лермонтова, А. А. Бестужева-Марлинского, А. И. Полежаева. Список книг, упоминаемых Н. В. Симановским, позволяет нам судить о литературных вкусах его поколения.

Как и в художественных произведениях того времени, например, в "Кавказском пленнике" А. С. Пушкина, в дневнике Н. В. Симановского отразилось существовавшее в русском обществе противоречивое отношение к кавказскому вопросу: с одной стороны, величественная природа Кавказа и дикие, вольнолюбивые нравы горцев вызывают у автора восхищение, что связано с традицией романтизма, а с другой стороны, согласно государственной идеологии, Кавказ воспринимается как владение Российской империи, а нежелание горцев сложить оружие - как бунт против ее законов.

Горцам Н. В. Симановский уделяет много внимания: его интересует их быт, занятия, национальные черты характера, традиции и обряды. Так, на страницах тетрадей встречаются рисунки обрядовых предметов: склепа, козлиной головы на шесте, креста необычной формы. Все это говорит о том, что дневник Н. В. Симановского является любопытным памятником русской культуры 2-й четверти XIX в., знакомство с которым будет интересно как для историков и филологов, так и для самого широкого круга читателей.

За помощь в подготовке публикации благодарю сотрудников Российской национальной библиотеки, Центрального Государственного Исторического архива и Пушкинского Дома. Выражаю особую признательность Людмиле Игоревне Бучиной, заведующей рукописным отделом РНБ, за неизменную поддержку и помощь на всех стадиях подготовки, особенно при установлении личности автора. При подготовке дневника Н. В. Симановского к публикации орфография и пунктуация приближены к современным нормам, но некоторые особенности

стиля сохранены.

И. Грозова

Дневник

2 апреля. Сегодня приехали сюда Штакельберг,{1} Яковлев,{2} Стандершельд{3}, Флеминг{4} и Емельянов;{5} Штакельберг остановился у нас в номере, но не в том, в котором мы стояли прежде, ибо переменили, и теперь у нас, по крайней мере, нет по утрам шуму и для людей особенная непроходная комната.

Я шатался по городу, искал вьюков или переметных сум, но ничего не мог найти; город очень грязный, и совсем нет порядочных строений.

Говорят, что на 3 офицера позволяют иметь только одну вьючную лошадь, это очень забавно. Я был у Федора Тимофеевича Мичерлика{6} (управляющий Вельяминова){7}, отдал ему письмо Поливанова,{8} и он сказал мне, чтобы я прислал за палаткой, когда мне будет угодно. Завтра я должен буду получить отправление и прогоны. Корм здесь не дорог: по 60 гривен порция. Если бы мой Гаврило умел обращаться с верблюдом, то я купил бы скорей, чем лошадь, ибо, кроме того, что он может быть без корму долгое время и питья, на него можно пропасть навалить.

3 апреля. Сегодня я получил предписание командующего войсками генерал-лейтенанта Вельяминова отправиться в город Екатеринодар, где явиться к временно командующему 20-ю пехотною дивизиею генерал-майору Лингену,{9} ибо я прикомандирован к Навагинскому пехотному полку; вместе с предписанием я получил и подорожную. Здесь на каждом шагу вы встречаете разжалованных в солдаты.

Сегодня ночью приехали сюда князь Долгорукий{10} и Столыпин{}n>.

4 апреля. Сегодня я был у обедни: церковь небольшая, певчие порядочные; потом ходил в комиссариатское депо, но так как не было присутствия, то и не получил прогонных денег. Погода целый день была прекрасная. Ставрополь мне не нравится: в нем прескучно жить, и ничего почти нельзя достать, даже нет порядочных бань. Признаюсь, что хотелось бы очень побывать в Тифлисе, его очень хвалят, но прежде дай Бог окончить благополучно еще не начатую экспедицию.

5 апреля. От нечего делать я бродил по базару - этот базар точно такой, как и в Малороссии; потом ходил в комиссию, но прогонных денег не получил. Вечером я играл в вист и проиграл 22 рубля.

6 апреля. Я ходил в комиссариат и получил прогонные деньги до Екатеринодара - 40. Завтра думаю ехать и признаюсь, как ни

скучно жить в Ставрополе, но лень выезжать.

Вечером я играл в вист и выиграл 15 рублей. Граф Штакельберг потчевал нас шампанским.

7 апреля. Выехал с Загоскиным{12} и Штакельбергом в 3 часа пополудни и на первой станции принужден был несколько раз идти пешком, ибо левая пристяжная била, пока, наконец, не приказал ее отпрячь и поехал на паре. В 8 часов пополудни приехали в Ново-Троицкую, где и ночевали.

8 апреля. Выехали в 8 часов. Местоположение здесь отличное, живописное: по ту сторону Кубани виднеются местами аулы мирных черкес, а по сю сторону казачьи посты и пикеты; вдоль по дороге - цветущие кустарники терну, местами же - яблони и вишни. Дорога ровная, чудесная. Не доезжая Казанскую станицу, стоит огромный крест, и возле - маленький, огороженные забором; проехавши станицу, такое же кладбище, где похоронены 60 казаков с офицерами, убитые черкесами в 15 верстах за Кубанью 1827 года. Станицы выстроены здесь почти по одному образцу и обнесены двойным плетнем, образующим бастионы: внутренная сторона низка так, что покрывает человека только по пояс; между плетнями набита земля, взятая из рва, которым обнесена вся станица; в наружном плетне поделаны бойницы для ружей, в некоторых станицах есть пушки. При въезде и выезде есть ворота, которые на ночь запираются, у каждых ворот есть будка для часового. Станицы эти изобильны садами, коих цветущие теперь деревья издают прекрасный запах. У каждого хозяина есть свой сад.

Здесь по дороге верст уже нет, а на каждой версте - по нескольку туров по обеим сторонам дороги для того, чтобы в зимние метели нельзя было заблудиться.

Вдоль по Кубани казаки содержат цепь, дабы черкесы не пробрались на сю сторону. Везде по дороге на середине между станциями находится казачий пост, то есть хата (одна или две), окруженная плетнем, преимущественнее на высоком месте у яров; на посту сем находится 40 человек казаков постоянно, обязанность их - делать беспрестанные разъезды, сменять пикеты и конвоировать проезжих. У каждого поста вблизи оного стоит длинный шест, обернутый соломой, облитый смолой, иногда же кроме этого на верху шеста находится смоляной бочонок, дабы в ночное время можно было известить, зажегши оный, о переправе черкес. Между некоторыми станциями в местах, более способных для переправы черкес, находятся по два таковых поста, У каждого поста находится также вертикальный шест, на верху коего прибит дрюк{*8}, параллельно земле по концам коего висят сплетенные из лозы кошеля, дабы днем извещать о переправе черкес и давать

знать о приближении начальника, а потому, если поднимается кошель, висящий к стороне Кубани, то это означает тревогу, если поднимается висящий ближе к нам, то тем извещают о приближении областного начальника или другого генерала, дабы на станциях приготовляли лошадей, и по этому сигналу казаки выезжают из станиц своих навстречу начальнику. Если поднимаются оба кошеля разом, то это значит, что разъезд, посланный поутру, возвратился и нашел, что между станциями все благополучно. У каждого поста для часового есть будка, сделанная вроде гриба с соломенной крышей; если же пост находится не на кургане, а на ровном месте, то будки таковые устраиваются на длинных шестах, и часовой всходит в оную по лестнице. Между каждым постом и станицей есть по нескольку пикетов, число коих зависит от местоположения. На каждом пикете стоит по два часовых, пикеты устраиваются около яров на возвышенных местах, для часового сделана будка, а для другого, который отдыхает, - плетеная мазанка; у каждого пикета пасутся заседланные лошади, дабы в случае тревоги скакать на сборное место. У каждого пикета устроены такие же сигналы, как и у постов. Я говорю про дневные пикеты; на ночь все пикеты снимаются и становятся секретные посты почти на каждой версте, состоящие из 6 казаков, в низких местах и более в таких, где молено переправиться вброд. Несмотря, однако ж, на все эти предосторожности, черкесы прорываются и угоняют иногда скот.

В Тифлисскую приехали мы в 10-м часу, где и остановились ночевать, полиция отвела нам порядочный дом.

9 апреля. Выехали в 8-м часу. В Черномории все разительно переменяется: язык совсем другой, очень похож на малороссийский, но еще грубее; земля до самого Екатеринодара по обеим сторонам ровная, лишь издали виднеется снежная вершина Эльборуса. Лошади бешеные, а люди не только что отстали от образования, но слишком близки к зверям.

Приехали в город Екатеринодар в 8-м часу вечера и остановились на квартире, отведенной полицией. Скот десяцкий отвел нам такую тесную квартиру, что мы эту ночь принуждены были спать в одной комнате с хозяином.

10 апреля. Мы вытребовали у полиции другую квартиру, но и эта для троих очень тесна. Екатеринодар только по названию город, а, право, не стоит иной деревни, и что здесь за люди! За ваши деньги вы ничего почти не можете достать, обедать должны готовить дома, ибо трактиру нет, а есть только черная харчевка, где, кроме постного, мерзко изготовленного, ничего нельзя достать. Домов хороших совсем нет, церквей четыре и пятая армянская. Построен он на ровном месте по самой реке Кубани.

Лучшее строение - это есть гостиный двор, он довольно хорош, но зато армяне дерут вдесятеро. Собак гораздо больше, чем людей; одним словом, в Черномории скотов гораздо больше, чем людей. При малейшем дождике страшно выйти из комнаты, чтоб не утонуть на улице в грязи. Я нигде не видывал такой грязи, еще хорошо тем, что скоро очень сохнет, а то нельзя бы было ходить, ибо верховой лошади местами по брюхо,

Сегодня я купил казачье седло и два кожаных вьючных мешка за 65 рублей.

11 апреля. Целый день шел дождь, и потому никуда нельзя было выйти.

12 апреля. Являлся вместе с Штакельбергом к здешнему атаману Заводовскому.{13} Он должен быть хороший человек, принял нас очень хорошо и жалел, что теперь Страстная неделя, что не может нас пригласить, а просил к себе на Святую. Потом являлись к командующему (20-й) пехотной дивизией генерал-майору Лингену. От Лингена зашли мы посмотреть пленных черкес, в числе коих была одна княжна, очень недурна собой и, что всего страннее, чрезвычайно бела. Им отведен особенный дом из двух комнат, довольно чистых, кругом дому стоят часовые. Пленных 37 человек, их взял в плен Заводовский за три дня до нашего приезда, напав на аул, находящийся за 50 верст за Кубанью, на рассвете; это сделал он так секретно, что никто в городе не знал.

Сегодня я купил вьючную лошадь за 106 рублей, Черкесам у нас в плену гораздо лучше, чем после выкупа, ибо после выкупа они не попадают уже в свой аул, а обязаны всю свою жизнь работать и быть рабами тех, кто их выкупает. Как жаль, если княжна подвергнется той же участи! Загоскин уехал в свою батарею.

13 апреля. Я был у обедни в соборе и с сегодняшнего дня начинаю говеть. Собор деревянный и чрезвычайно большого размеру, певчие довольно хорошие. Кругом собора построены довольно хорошие гошпитали. Собор и гошпитали обнесены земляным валом, на котором выставлены пушки.

С каким удовольствием ездил я сегодня верхом на своей лошади, первый раз по выезде из Петербурга! Сегодня наняли мы квартиру за 12 рублей в неделю.

14 апреля. Сегодня у обедни я познакомился с разжалованным за 14 декабря капитаном лейб-гвардии Финляндского полка Цебриковым,{14} который уже 10-й год служит унтер-офицером в Тифлисском пехотном полку. Он прекрасный человек и уже совсем сед, я у него сегодня обедал с Яковлевым.

15 апреля. Сегодня я исповедался и причащался Святых Тайн и потому готов теперь идти всюду. Умирают раз - двух смертей не бывает. Вечером я был на Страстях, ночь была темная, при возвращении из церкви надо было видеть, как всякий спешил домой и, вместе с тем, боялся потушить свечу, для того чтобы, придя, можно было сделать на потолке или дверях крест в память Страстей Господних тем самым огнем, который горел в церкви.

16 апреля. Я отправил еще одно письмо к брату{15}, чтобы поторопился высылкою мне денег.

17 апреля. Сегодня закупил я у Сербина все нужное к походу, ибо говорят, что на третий день выступим.

18 апреля. Был у обедни и разговлялся у Лингена. Против дому атамана Заводовского сделаны три качели, музыка казачья, довольно сносная, ходит по домам и поздравляет, есть много гуляющих, но что делается теперь в Петербурге! Приятно вспомнить прошедшие минуты.

Жаль, что не был у заутрени, человек не разбудил меня, я же, слыша выстрелы, полагал, что идет дождь, и за то лишился чудесного зрелища: кругом церкви горели смоляные бочки и плошки, вал так был освещен плошками. Пальба из орудий была ужасная, так что я никак не мог уснуть. С атаманом христосовался у обедни и не пошел к нему потому, что мне не сказал ни слова, но, по здешнему обычаю, в этот день не приглашают.

19 апреля. Сегодня утром ушли уже в поход Штакельберг и Стандершельд. Я с Яковлевым являлся к полковнику Полтинину, {16} нашему полковому командиру (Навагинского полка); он принял нас очень ласково, позволил остаться хоть до воскресения и назначил в (гренадерскую) 1-й батальон. Он добрый прямой человек, и с ним, кажется, можно будет сладить; он назначен теперь до прибытия Вельяминова командиром отряда, прикрывающего саперные работы и транспорты. Он славно декорирован: имеет Анну с короной на шее, Георгия, Владимира, турецкую и персидскую медали. Сегодня большое гулянье под качелями, и некоторые черноморские барышни, в том числе была одна дочь подполковника, занимались сидя кусанием орешков и подсолнечника - это довольно забавная картина.

20 апреля. Отправлены к Сербину вещи для сбережения до возвращения из экспедиции. (...)

Сегодня вечером переехал я на квартиру к Яковлеву, Флемингу и Гюнтеру, и старая моя хозяйка уверяла меня, что я большой хозяин, ибо всегда запирал калитку.

21 апреля. Скоро надо отправиться в поход, войска еще третьего дня отправились в Ольгинское укрепление, и я так много

наслышался, что при мысли о походе волосы дыбом становятся, тем более, что придется пунтировать пешочком; но что делать, вступивши раз в военную службу, надо на все быть готову, нет худа без добра. Сегодня я ездил верхом, осматривал Екатеринодар, но ничего в нем нет хорошего, и остаюсь еще здесь только потому, что в избе лучше спать, чем на биваках. Хозяйка, дьяконша, у которой теперь стою на квартире, презлая женщина: не пройдет дня, чтобы не порола всех своих детей (а всех их у нее четверо), я не понимаю, как она не устает: не только что порет их розгами, но бьет чем попало.

22 апреля. Сегодня целый почти день я проиграл в вист, вечером заходил к князю Долгорукому, Столыпину, Унковскому{17} и Ерину,{18} и они при мне отправились в Ольгинское; без меня на квартиру приезжал квартальный с бумагой от Заводовского, дабы мы выехали из Екатеринодара по случаю скорого прибытия Вельяминова.

23 апреля. Не успели проснуться, как объявили нам, что ждет солдат с бумагой от полицмейстера, содержание коей: выехать с получением немедленно в Ольгинское укрепление, мы на обороте написали, что читали...

Флеминг был у атамана и получил для нас открытые листы, но мы намерены выехать не раньше воскресения.

24 апреля. С Яковлевым был у всенощной, по окончании коей отслужили молебен. Завтра в путь. Боже, благослови!

25 апреля. Прощай, Екатеринодар, грязный городишко, прощай, мне тебя не жаль, не стал бы об тебе и думать, если б мог иметь такую комнату или хоть сарай такие, как здесь; но нет, сегодня я уже буду лишен этого удовольствия и должен буду, может быть, спать под открытым небом, голубым, испещренным звездами - как это поэтически, не правда ли? Со мной есть палатка, подбитая сукном, но не знаю, можно ли будет ее с собой возить.

Сады здесь уже совсем отцвели, через неделю поспеет уже смородина, огурцы уже устарели, но здешние люди так нерадивы, что я не видел ни одного сада обработанного, они ни о чем не заботятся, коснеют в невежестве, природа, кажется, более самих об них заботится.

Примечание: Кордонную линию по Кубани содержат 3500 казаков, находящиеся на казенном жалованье.

Выехали из Екатеринодара в 10 часов утра, хозяйка накормила нас варениками и выпроводила в дорогу с хлебом, желая счастья. В Мышастовскую слободу приехали в 3 часа пополудни и остановились ночевать, дабы дать отдохнуть своим лошадям, которые бежали, привязанные сзади наших телег.

26 апреля. В 12(-м) часу утра выехали и во втором пополудни были уже на неприятельской стороне, на левом берегу реки Кубани, и остановились сначала по сю сторону Кубани у Сербина, а ночевали в палатке у Алехина{19} и барона Шейблера.{20} Войска расположены лагерем у самой Кубани, кругом стоит цепь; заря вечерняя бедовая, не совсем бьют в такту, точно la musique infernale{}n>.

На завтра назначен поход 1-му батальону для конвоя обоза в Абин. Я числюсь в 1-м батальоне, в 1(-й) мушкетерской роте у штабс-капитана Михаила Михайловича Равенского.

27 апреля. Сегодня в 6 часов утра мы выступили, моя рота была в авангарде; за Кунипсой мы расположились ночевать, кругом расположена цепь, черкесы показываются из-за кустов и на горах, но оставляют нас в покое. Навагинского песельники гренадерской роты славно поют, пляшут - они нас забавляют. Признаюсь, что я так лее покоен, как на маневрах. Бог знает, что будет дальше. Люблю ужасно русских солдат: они никогда не унывают, несмотря на усталость и труды, они все веселятся!

Целую ночь я пробыл в карауле. К рассвету было ужасно холодно и большая роса - предвестница хорошей погоды.

28 апреля. Выступили в 4 часа утра, под Абином была маленькая перестрелка в арьергарде: по черкесам сделано 7 пушечных выстрелов картечью и ядром, с нашей стороны ранен один подпоручик Навагинского полка в копчик, а под другим убило лошадь. У Абинской крепости мы заняли позицию по обеим сторонам реки Абина (местоположение здесь удивительное: отсюда начинается цепь гор), где и ночевали.

29 апреля. Выступили в 5 часов утра и под самым почти Абином имели перестрелку, один тенгинец ранен в живот, пулю ему вырезали в спине. Я подъезжал во время перестрелки близко, пули свистели мимо, но черкес совсем не было видно: они стреляли из-за деревьев и иногда только показывались их головы, когда старались высмотреть, в кого метить. Вот их образ войны: они всегда стараются убивать так, чтоб самих их не видели; здесь они стреляли из фалконета{*10}, и против них действовали пушки картечью и мортиры гранатами. Пройдя Кунипс, мы сделали привал, где и обедали.

Я видел, как раненому вырезывали пулю, и это произвело на меня неприятное чувство; он, бедный, вскоре умер.

Прибывши в Ольгинское в 8 часов вечера, где палатка моя была уже разбита, и я благодарить должен Поливанова, что не сплю под открытым небом; палатка эта подбита черным сукном и тем выгодна, что днем не жарко, а ночью не холодно. Я стою вместе с Яковлевым и благодарю Бога, что теперь могу покойно

уснуть, ибо походом мы выступали всегда очень рано.

30 апреля. Сегодня я приводил при рапорте аттестаты о денщиках и жалованье к полковнику Полтинину, также свидетельство о переправе через реку Кубань.

Каждьш день здесь делают ученья, ибо ожидают приезда государя в Еленчик{*11}. Признаюсь, что здесь такая смертельная скука, что если придется долго стоять, то можно с ума сойти.

Прошедшую ночь черкесы, человек около 10-ти, прорвались через Кубань и в двух станциях от Екатеринодара напали на партию рекрут, которые, не будучи вооружены, спаслись бегством в лес. Остались защищаться только два старых солдата, из коих одного, ранив, увели с собою, а другому нанесли несколько ударов шашкою в голову, одним словом, изрубив его совершенно и полагая, что он мертв, оставили его и препокойно переправились на левый берег реки Кубани. Пока черноморцы решились их преследовать, они были уже вне опасности - вот каково черноморцы содержат кордон. Люблю предприимчивость черкес и ненавижу оплошность черноморцев!

Этот бедный солдат - я его сегодня видел - привезен в здешний лазарет, лежит в палатке, это полуживой мертвец, я не имел твердости духу долго на него смотреть: он весь в перевязках, в особенности же голова и лицо; его колотит сильная лихорадка, и, кажется, сегодняшний вечер прекратит его мучения.

1 мая. Весь Петербург теперь в Екатерингофе, но и у нас не без веселий: в одном конце лагеря гремит тенгинская музыка из оперы "Фенеллы",{21} а в других поют песельники. Этот лагерь совершенно военный: палатки раскинуты в беспорядке, линеек здесь нет, у людей поделаны шалаши, кругом стоит цепь и караулы, лагерь примыкает к Кубани. На правом фланге тенгинцы, потом навагинцы, далее кабардинцы и казаки, лошади привязаны к кольям, музыка, песельники, и в разных концах пальба в цель.

2 мая. Посреди неимоверных трудностей бывают иногда приятные минуты, самое воспоминание происшедшего доставляет нам уже некоторое удовольствие: я живу теперь в палатке и счастлив уже тем, что не мочит меня дождь, который эту ночь не переставал. Из палатки виднеются Кавказские горы, вершины коих касаются небес - прелестный вид, но как грустно, как скучно при мысли, что должен остаться здесь еще почти целый год. Бедный Стандершельд очень заболел: у него горячка, он отправился вчера в город Екатеринодар.

3 мая. Ученья здесь два раза в день, начинается шереножным, потом поротно, побатальонно, полковое и, наконец, дивизионное.

На ученье сегодня утром был странный случай: барабанщик Тенгинского полка, не доходя начальника на 20 шагов, вдруг упал и на месте умер, будучи перед этим совершенно здоров.

Баранковые кивера здешние называются папахами.(...)

5 мая. Сегодня приехал в лагерь генерал-лейтенант Вельяминов Алексей Александрович и остановился в крепости по сю сторону Кубани.

6 мая. Получил от Аршеневского{22} письмо, он благодарит меня за присылку ему денег и больше ничего. Не понимаю, что бы значило, что от брата Петра не получаю до сих пор ни письма, ни денег.

7 мая. В воскресение, говорят, мы выступим, но я нимало не пожалею, если останемся подолее, ибо хотя и скучновато, но в палатке покойно и между добрыми товарищами часто забываешь скуку: каждый вечер гренадеры поют, а иногда целая рота пляшет журавля, черноморский танец.

8 мая. В 10 часов утра Вельяминов объезжал лагерь, войска построены были поротно в батальонных колоннах (солдаты - в шинелях и фуражках, а офицеры - в сертуках, фуражках и шашках). Впереди Вельяминова ехали три линейца, потом он со свитой и сзади конвой, состоящий из 50-ти линейских казаков. Костюм их мне очень нравится: они одеты и вооружены совершенно как черкесы, а ловкостью и искусством в бою много превосходят самих черкес, одежда их легка и удобна как для конных, так и для пеших, многие из них "на всем скаку лошади поднимают с земли целковый", они рослы и хорошо сложены.

С каким удовольствием выпросил я у майора прочесть "Военный инвалид",{23} надеясь начитать произведенными кого-нибудь из моих товарищей, и что ж нашел: лейб-гвардии Драгунского полка штабс-капитан Горбачев{24} переводится лейб-гвардии в Уланский полк с переименованием в штабс-ротмистры (10 апреля 1837). Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, бедный Майков{25} засел первым, а пора бы ему в штабс-ротмистры; но производство на Святой неделе до наших гор еще не долетело, а любопытно бы было знать, как производство, так, может быть, получили награды наши закавказские герои.

Теперь ужасная суматоха в лагере: все думают, что завтра выступим, и потому все укладываются, но о выступлении никто еще наверное не знает. Вельяминов никогда не предупреждает о выступлении, ибо это такого роду война, что надобно все делать сюрпризом, дабы черкесы не знали о нашем походе.

9 мая. В 6-м часу утра выступили из Ольгинского следующим порядком: в авангарде и арьергарде - кабардинцы, в правой цепи - навагинцы и в левой тенгинцы. Мы шли по неизвестной дороге,

где еще русские никогда не были, по направлению к Великолагерному посту (на нашей стороне реки Кубани); нашим вожатаем был лазутчик-черкес. Прошедши 2 2 версты и 138 саженей, расположились на ночлег, мой батальон и 2-й шли в колонне, перестрелки походом никакой не было, и даже не видели черкес. В 9 часов вечера наш батальон, 4 орудия и еще 2 батальона, тенгинский и Кабардинский, выступили для занятия позиции и поправки мосту, мы шли очень скоро и услышали черкесские выстрелы (их сигналы), доходя до речки Цембы, где и расположились; по приходе кабардинцы убили одного черкеса, подкрадывавшегося к нашей цепи, тело коего осталось у нас. Отряд наш был под командой полковника Ольшевского.{26}

10 мая. На рассвете первый выстрел убил наповал унтер-офицера Тенгинского полка, находившегося в цепи, пуля хватила его прямо в лоб. Потом пошла небольшая перестрелка в цепи, все утро мы перестреливались и в 11-м часу услышали по пушечным и, наконец, ружейным выстрелам приближение нашего отряда, для которого уже выстроили мы мост через небольшую, но очень топкую речку; нам подали сигнал, чтобы не стрелять. По соединении отряда дело завязалось посурьезнее: сапсуги{*12} напирали на нас со всех сторон. Мы находились около аула на площадце, окруженной со всех сторон лесом - место для черкес очень выгодное. После сильной перестрелки, продолжавшейся около 5-ти часов, мы преодолели все трудности и наконец вышли из Цембейского лесу (у реки Цембы), потеряв несколько убитыми и ранеными. Ретирада была сделана чудесно под командою полковника Ольшевского после нескольких выстрелов из орудий, поставленных en chiqui{*13}, ак что когда одно орудие ретировалось, то другое встречало неприятеля, мы ретировались бегом, без всякого урона. Черкесы дрались сегодня отчаянно (в сборе их было до 1000 человек), они раз 5 кидались на шашки; потеря с нашей стороны состоит из 128 раненых и 9 убитых, в числе коих ранен командир Тенгинского полка полковник Кашутин{27} в бок к спинному хрящу(...){}an>; но с их стороны потеря должна быть тоже немаловажна. (...) Им беспрестанно посылали в гостинцы ядра, что их более и удерживало, особенно при отступлении. Вышедши из лесу, сожгли аул, находившийся по опушке, и пошли по дороге к Абину, перестреливались очень мало, ибо черкесы разъезжали лишь около своих аулов, которых здесь, по опушке, очень много.

Дорогой по обеим сторонам прелестные сады, по опушке виднеются большие аулы, некоторые из них покрыты тесом, народонаселение здесь очень большое, хлеба у них прекрасные, густые, и жито вышиною более двух аршин, пшеница тоже

недурна; поля их засеянные, большею частью, огорожены плетнем, дабы скот не пасся.

В Абин прибыли мы очень поздно, так что совсем смеркалось, и расположились ночлегом по реке Абину.

11 мая. В 6 часов утра мы выступили и имели в цепи перестрелки до самой Николаевской крепости; местоположение здесь очаровательное: тут тянется цепь гор, между коими встречаешь прелестные долины, усеянные фруктовыми деревьями, и речки, текучая вода коих утоляет жажду усталых воинов. Николаевск построен совершенно в котле: он окружен со всех сторон горами. (...)

12 мая. Выступили в 6 ча_сов утра, шли очень медленно по причине ломки обоза, у ущелья (...){*15} имели большую перестрелку; 1-я мушкетерская рота занимала позицию под самыми выстрелами против ущелья, но Бог помиловал: раненых у нас совсем нет. (...) Тут под Масальским{28} ранили лошадь. (...)

Отретировавшись от этой лощины, мы прошли еще версты 3 и расположились на ночлег. Ломка аптеки Навагинского полка и прочего обоза, тянувшегося гусем, фура за фурой, заставила нас пробыть на одной поляне до 11 часов пополудни, так что мы пришли на место лишь в 1/2 12 часа. Несмотря на темную ночь, эти полчаса я шел с большим удовольствием, это для меня было приятное гулянье: мы шли по прекрасным аллеям, освещенным разложенным огнем, отражение коего на деревьях производило чудесный эффект, стройные дубы обрисовывались в огне; пришедши на место, я поражен был новым привлекательным зрелищем: по всему лагерю огни и на самых вершинах гор, в цепных резервах, разложены огни полукружием, образующие группы прелестных звезд.

13 мая. Выступили в 6 часов и, пройдя, самое большое, версты 4, остановились на ночлег в 4-х верстах от хребта Нако; по прибытии на место мы заняли позицию на горе, обросшей лесом, около лощины; правее нас пошла порядочная перестрелка. Выстрелы из пушки ядром, поставленной около нас по направлению черкесской дороги (черкесы ездят на арбе - телега на двух колесах), раздаются величественно в горах, лес трещит, и эхо повторяет гул. С нашей позиции прелестнейший вид: внизу разбит лагерь, окруженный со всех сторон горами, усеянными лесом, облака гуляют ниже вершин оных, так что сливают их с небом.

Мы остановились сегодня в 10-м часу утра потому, чтобы подчинить испортившийся обоз, наделать запасных осей и подчинить испортившиеся по дороге мосты, на что и отправлены саперы под прикрытием 2-х батальонов с 2 орудиями.

Какие живописные здесь места! Может быть, со временем они будут составлять лучшую российскую губернию, черкесы принуждены будут скоро с нами помириться, ибо, отрезав им сообщение от Черного моря, у них будет большой недостаток в порохе, который хотя и делают сами, но их порох без примеси другого очень слаб. Воины их также убывают значительно, убыль одного в семействе для них много значит, хлеб и аулы их оченно истребляют, угоняют рогатый скот и овец, что составляет их большую промышленность, таким образом, многие семейства остаются без куска хлеба. Положение такого роду должно скоро наскучить, несмотря на их воинственный дух, На вчерашнем переходе встретили мы на кладбище черкесский памятник, сделанный склепом, внутри пустой, это стоило им большой работы, ибо сделано довольно аккуратно из цельных камней; на нем нет никакой надписи, он выстроен под горой, лазутчики говорят, что здесь похоронены храбрейшие из черкес. (...)

14 мая. Выступили в 7 часов утра и в продолжение почти 2-х часов тянулись на хребет Нако, с вершины коего наконец увидели Черное море, на берегу коего мы расположились, и я тот же час отправился купаться. Как оно сегодня тихо, какая прелестная вода: светлая, местами иззелена-темная - горы в нем отражаются, какое-то удовольствие смотреть на него. Оно напомнило мне приятные прошедшие минуты, проведенные на берегу Балтийского моря, но как далеко я теперь, и когда возвращусь, и возвращусь ли даже!

Перевалившись через хребет, начинаются уже другие растения, другие деревья, здесь начинаются уже разные народы: сапсуги, натухайцы и абазинцы.

Проходя хребет Нако, нельзя не удивляться дороге, сделанной в прошедшем году: каменья взрывали порохом, можем представить об трудностях, понесенных рабочими; она простирается почти на 4 версты, шириною сажени 2 1/2, она обнесена со стороны оврага стеной из сложенных каменьев. При спуске нашем с хребта черкесы пустили по нас несколько камней с гор, но они ни стрелкам, ни колонне не причинили никакого вреда. На ночлег расположились мы по берегу Черного моря, возле крепости Александрия, построенной в прошедшем году. (...)

15 мая. Какое прелестное, тихое утро: еще солнце не взошло, еще горы спят, еще море дремлет, лишь раздается частый говор храбрых воинов, неутомимых, готовых снова в бой.

Мы выступили в 7-м часу утра, пришли к Еленчику без выстрела и расположились на ночлег близ оного. По словам лазутчиков, 6000 черкес находятся в сборе около Анапы. Еленчик (бухта) - порядочная крепостца на самом берегу Черного моря,

против нее стоит несколько транспортных судов и пароход; море сильно волнуется по причине большого ветра. Завтра можно ожидать хорошей погоды, ибо чекалки покрикивают (зверьки вроде волка, но гораздо меньше).

16 мая. Места эти еще неизвестны, говорят, что большое народонаселение. Увидим, как встретят нас, незваных гостей, чем будут угощать.

(...) Цепь шла все время по горам, какая ужасная скука - лазать по горам, местами спускаться почти боком в ужасные лощины, держидерево рвет платье, зато встречается виноград, персиковые деревья, волосские орехи, и вообразите роскошь: кипарисом мы разводим огни!

17 мая. Обоз под прикрытием всей легкой артиллерии и 3(-х) батальонов Тенгинского полка остается здесь, мы же идем на вьюках для рекогносцировки дороги, имея провианту на три дня. Выступили в 10 часов утра и шли в левой цепи, я под конец едва мог идти, ибо шли форсированным маршем и по ужасным горам и ярам почти без привалов. Мы сделали около 30 верст и остановились, потому что не было дороги и некуда было девать раненых, ибо с нами не было ни одной телеги и раненых несли на носилках. Перестрелка была не очень большая, ибо они нас не ожидали и торопились вытаскивать все из своих саклей. На самом месте нашего ночлега мы сожгли три аула.

Кроме того, что я сегодня очень устал, погода не совсем-то благоприятствовала, ибо целый день шел дождь и промочил меня до костей. По этим горам ходить - надобно иметь особенное искусство, и без помощи палки невозможно; propos{*16}, мне очень понравилась острота горниста: кто не бывал в горах, тот не бывал и в гре, а кто бывал в горах, тот бывал и в гре. Надобно иметь крепкое здоровье, чтоб перенесть здешние труды, старые офицеры говорят, что этакого году еще не бывало.(...)

18 мая. В 7-м часу поворотили весь отряд и цепь налево кругом и таким образом отправились обратно. Черкесы сами зажгли аул перед нашим выступлением, находившийся впереди авангарда, но обманулись, думая, что мы пойдем вперед; впрочем, они не замедлили поправить свою ошибку, и мы не успели отойти версты, как сильно начали напирать на арьергард (арьергард отступал, имея стрелков в две линии, одна из них ложилась, а другая ретировалась бегом (...)) и преследовали его верст 6 или 7. В нашей цепи, которая при повороте сделалась правою, была также перестрелка, но важнее всех было, когда они, человек 200, иные из них в панцирях и шишаках, но большая часть оборванные и даже босые, пропустив авангард, напали на последнюю пару стрелков 1-й гренадерской роты Навагинского

полка, примыкавших к арьергарду. Когда кинулись черкесы на цепь, убили одного стрелка и потащили с собою его тело, то товарищ его, выстрелив по них и положив одного из 4-х, тащивших тело, на месте, кинулся на них, проткнул еще одного штыком и отнял у них тело своего товарища, будучи сам легко ранен шашкою в руку. За этот поступок получил от Вельяминова червонец.

После нескольких выстрелов они кинулись в шашки, но малый резерв и вслед рота под командою поручика Егорова{29} кинулись на штыки - ура! вперед! - тут подоспел секурс: рота Кабардинского полка и казаки. Черкесы были совершенно опрокинуты и многие из них убиты, одно ихнее тело осталось у нас, 1 -я мушкетерская, бывшая впереди, пришла на помощь немного позже по случаю крутого подъема на гору. (...)

Идя лесом, я заметил, что черкесы вырубливают из деревьев наши пули.

По прибытии к месту расположения обоза у реки Мейзипс мы спускались с каменного утеса гуськом по узенькой каменной тропинке, рискуя на каждом шагу слететь вниз. Спустившись и стянув цепь, мы остановились на ночлег в колонне. Тотчас по прибытии на место, черкесы приехали для выкупа тела, но генерал Вельяминов отдал им без всякого выкупа. (...)

19 мая. Сегодня меня насилу добудились - до такой степени я был уставши: меня всего разломало и я совершенно разбился на ноги, несмотря на это, я ходил еще на фуражировку в 10-м часу утра по реке Мейзипс к Черному морю. (...) По дороге сожгли мы аул из 7 саклей и 2 лодки, одну 6-, а другую 12-весельные, и накосили для фуражу жита. (...)

Все тяжести: фуры и артиллерия, кроме 6 легких и 6 горных орудий, отправились под командою Штейбе{30} в Еленчик, откуда Черным морем привезут в бухту Пшаду, где полагается постройка крепости.

20 мая. Целый день сегодня я отдыхал; отряд возвратился из Еленчика вечером без выстрела, и с ним прибыл линейный батальон бывшего Наширванского полка, которому предполагается остаться в укреплении у бухты Пшады.

21 мая. (...) Выступили в 7-м часу утра и, отошедши верст 12, остановились на ночлег и заняли позицию по балке. Вероятно, черкесы где-нибудь делают сильную засаду, ибо мы прошли до этого места почти без выстрела.

22 мая. Выступили в 6-м часу утра. Черкесы сильно нападали на авангард, потом, когда наша цепь и рота взбирались с балки на гору, то черкесы из сделанного ими завалу (человек 250) сделали по нас залп из ружей и потом кинулись на цепь в шашки, но роты

1-я гренадерская и вслед 1-я мушкетерская поддержали стрелков, кинувшись на них на штыки - ура! ура! ура! - сбили их с выгодной для них позиции и заставили бежать без оглядки. Эта стычка была для нас неимоверно счастлива, ибо у нас ни одного не ранили. После этого черкесы перебежали на правую сторону и завязали перестрелку в правой цепи. Мы прошли мимо многих аулов, из коих некоторые, по-видимому, богатые, ибо покрыты тесом, но ни одного из них не тронули, ибо сегодня был приказ генерала Вельяминова по отряду, чтобы аулов не жечь и ничего в них не трогать по случаю бывшей в прошлом году чумы; также не трогать хлебов. Вечером остановились и заняли позицию, но остались без чаю, обеда и ужина, одним словом, целый день не ели ничего, кроме солдатских сухарей с водою, которые показались мне лакомым кушаньем. Причиною же тому то, что мы с генералом Штейбе двинулись вперед для разработки дороги и, отойдя с версту, совершенно отделились от главного отряда, окружили себя цепью и тем прекратили сообщение. Шейблер дал мне на ночь свою бурку, а то бы пришлось проводить целую ночь в одном сюртуке.

23 мая. Выступили в 6-м часу утра, версты 4 двигались очень медленно, ибо саперы разрабатывали дорогу, потом пошли пошибче, ибо дорога здесь лучше. Черкесы не оставляют нас в покое, они заседают во всех удобных местах и перестреливаются, одни лишь гранаты заставляют их разбегаться; под вечер они начали драться дружнее, и мы принуждены были каждую высоту занимать приступом. При всей моей усталости русское ура, ретирада и неудачные выстрелы черкес, барабанный бой (полковник Полтинин при каждом приступе приказывал бить в барабан) заставили меня забыть об усталости, я сделался как-то бодрее, не думая нимало об опасности. Придя на место ночлега, наш батальон, по приказу полковника Полтинина, спустился с горы, дабы люди могли немного отдохнуть, однако ж это не избавило нас от передовой цепи и караулов. (...)

24 мая. Двинулись в 6(-м) часу утра, на каждом шагу имели небольшие перестрелки, но когда начали взбираться на одну высокую гору (первая по левую сторону р. Пшады), то черкесы (числом до 500) открыли по нас батальный огонь с вершины горы. На протяжении почти версты в левой цепи пошла сильная перепалка, они думали на этом месте не пропустить нас к Черному морю. Мы принуждены были лечь и ползком под градом пуль взбираться на вершину; изнуренные и обремененные сухарями и бельем, солдаты едва могли лезть, пот лил с них в три ручья. Казалось невозможным вскарабкаться по столь крутой горе на вершину. Черкесы засыпали нас пулями, но для русских нет

невозможного: ободряемые примером своих начальников, они все ползком подавались вперед, наконец, когда мы были уже на полугоре, привезли пушку и ядрами через нас заставили на время умолкнуть дерзкого неприятеля, таким образом, под несколькими пушечными выстрелами, мы ползком подавались все ближе к вершине, Пушка умолкла, и мы с барабанным боем открыли сильный батальный огонь - ура! - кинулись вперед и заняли одну высоту; черкесы удалились бегом на другую, которая командовала и которую мы тоже должны были занять. Здесь пушка уже не могла стрелять, и потому мы принуждены были сбить неприятеля с позиции батальным огнем и штыками, против которых ничто не может устоять. Вершина была нами занята в 5 минут. Барон Шейблер с стрелками занял ее первый. Таким образом, с малою потерею людей, находившихся под сильным (при занятии второй высоты - под перекрестным, ибо черкесы стреляли по нас из лесу с вершины и с балки) неприятельским огнем более получаса, мы заняли гору, по которой едва можно было ползти, не рискуя на каждом шагу свалиться. (...)

После этого штурму мы вышли на прекрасную поляну, где сделали привал: мы расположились завтракать под тенью благовонного орехового дерева в нескольких шагах от аула, где оставленные куры, которых никто не смел трогать, ужасно кричали; кругом нас вьется по деревьям виноградная лоза, кустарники диких роз. Жито, овес, ячмень, конопля, лен, кукуруза и проч. - всего есть в этом месте в большом изобилии, поля их, большей частью, огорожены плетнями; я видел даже привитые фруктовые деревья, что, вероятно, работа русских беглых. Вся баранта угнана в горы, здесь пропасть аулов, что и было причиною их упорной защиты. Надо было видеть нашу общую радость, когда мы, занявши вершину горы, увидели невдалеке море, солдаты кричали от радости. По прибытии к Черному морю, где расположились лагерем по обеим сторонам реки Пшады, генерал Вельяминов благодарил 1-й батальон за взятие штурмом горы. Наш полк расположен на самом берегу реки Пшады в полуверсте от моря, и избавлены сегодня от цепи и караулов, дабы дать людям отдохнуть. Благодаря Богу, мы прибыли на место, где предполагается построение крепости.

25 мая. Как приятен отдых после стольких трудов! Люди отдыхают, моют и сами моются, но несносные черкесы не хотят оставить нас в покое, несмотря на то, что мы не жжем их аулов. Они с разных сторон палят из фалконетов, коих числом не более трех, и уже убили одного солдата Тенгинского полка наповал, стоявшего на пикете. Перед самой смертью он закурил трубку, и когда все легли и караульный офицер приказывал ему лечь, то он

сказал: "Ваше благородие, эти лоскутники стреляют понапрасну: пуля сюда не долетит", - вслед за его словами - выстрел из фалконета, и он упал мертвым.

26 мая. Полковник Полтинин собрал 1-й батальон и сам читал приказ генерала Вельяминова, отданный по отряду. Я помещаю здесь приказ по полку и по отряду:

1. Приказ по полку. Приказ, отданный по отряду за No 2 сего дня, в копии прилагаю, предписываю гг. батальонным командирам прочесть оный при собрании роты всем без изъятия нижним чинам в каждом батальоне, в 1-й же батальон я сам прочту; мне же остается сказать, что я, будучи уверен, вел сам 1-й батальон на назначенное место, с тем, что гора сия должна быть непременно занята, и, действительно, они это исполнили, оправдали мое ожидание, при каковом случае оказали непоколебимое мужество, храбрость, терпение к трудам и повиновение к исполнению воли начальства в виду командующего войск генерал-лейтенанта Вельяминова и целого отряда. В сем деле показали присутствие духа 3-й мушкетерской роты рядовой Добринин и 2-й мушкетерской - Олисинский, которые, будучи ранены, не оставили своих мест до прихода на место лагеря; доблестный поступок сих рядовых обязывает мне сделать известным по полку, и я остаюсь уверенным, что они на будущее время будут примером храбрости своих товарищей.

Приказ по отряду. No 2-й. Лагерь при речке Пшаде. Мая 24 дня 1837 года. С копии копия. В память славной атаки, сделанной сего дня 1-м батальоном Навагинского пехотного полка на первую гору, встреченную отрядом с левой стороны речки Пшады, отныне называть это место горою Навагинскою. Подлинный подписал генерал-лейтенант Вельяминов. С подлинным сверял гвардии-поручик Кусаков. (...)

27 мая. (...) Бывши на фуражировке, я срисовал крест и на шесте наткнутую козиную голову, но ни от кого не мог добиться настоящего значения оных. Иные говорят, что это приношение жертвы перед начатием Посева, а иные уверяют, что они этому поклоняются.

28 мая. Был с командой для рубки леса по ту сторону реки Пшады у самого берега Черного моря, которое очень волновалось, так что нельзя было выгружать казенных вещей, прибывших из Еленчика. Я ходил по берегу и собирал разные раковинки и черепашки, коих здесь очень мало. Может быть, придется, и это скучно проведенное время вспомнишь иногда с удовольствием.

Черкесы сегодня уже не стреляют и нигде не показываются, они, верно, занимаются теперь устройством новых жилищ; им очень неприятно, что мы заняли эту бухту, на берегу коей стоят

до сих пор две сакельки, в коих производился торг с турками, которые доставляли им соль, ибо и теперь еще на берегу находят соль. Вчера прибыл в отряд гродненский гусар поручик Рошковский{31} морем из Тамани. После обеда в продолжение почти часу была сильная буря, и я все время стоял на берегу моря и любовался волнами, которые неслись, как горы, и разбивались о берег пеною. В эту минуту вид моря удивительный: оно из гладкой поверхности образуется в хрустальные горы, цвет его из зеленого переменяется в черный, и 9-й вал плещет выше сажени; транспортные суда, стоя на якорях, сильно качаются. Но я за удовольствие заплатил простудою: у меня болит горло и грудь. Сегодня я встретился неожиданно с Илиодором Осиповичем Миницким,{32} с которым вместе воспитывался и которого не видал уже 12 лет.

29 мая. (...) Сегодня прибыли из Еленчика суда с палатками и нашими вещьми, но их нельзя выгрузить по причине сильного волнения моря.

30 мая. У нас в роте служили благодарственный молебен. Мне сегодня немного лучше: грудь уже не болит, а побаливает горло, Наш батальон передвигают с нашего места влево, а на нашем месте будут делать кирпич. Наконец погода немного утихла и начали выгружать наши палатки.

31 мая. (...) Сегодня прелестная ночь: чисто-голубое небо усеяно звездами, говорят, таких ночей в Петербурге не бывает, но я против этого - и в Петербурге есть прелестные ночи. Ночи теперь еще довольно холодны. Здесь много змей, одни из них, огромные, желтобрюхие, безвредны, а другие, называемые медянки, имеющие на солнце цвет, подобный меди, очень опасны: они иногда кидаются на людей, но у нас есть предохранительное средство - это бурка, на которую не только она, но и никакое ядовитое животное не полезет, ибо она делается из бараньей шерсти, а бараны едят всех ядовитых животных; здесь также много черепах. Как я рад, что достал "La Salamandre",{33} и хотя я ее прежде читал, но она доставляет мне большое удовольствие, ибо здесь ужасная скука.

1 июня. Сегодня я почти совершенно здоров и потому ходил в море купаться, оно очень тихо, зыби совсем нет. Выкупавшись в море, чувствуешь себя гораздо легче, вода горько-соленая. Место для крепости совсем расчищено, тысяча человек каждый день работают, лес вырублен, и теперь делают кирпич, полагая выделывать в день по 20 тысяч. Место для крепости Вельяминов уже назначил колышками, поспеет кирпич, и тогда приступят к заложению крепости. Прелестная роща, бывшая на берегу Черного моря, уже вся вырублена - как жаль мне ее! Этаких рощ

мало можно встретить; посреди этой рощи был аульчик, вероятно, какого-нибудь князя, вероятно, черкесы в свободные часы отдыхали под тенью дерев, увитых виноградною лозою, или гуляли, наслаждаясь чистым, благовонным воздухом. Я не в силах описать хорошо это место, скажу только, что оно очаровательно, теперь его как не бывало: от вековых деревьев и благовонного орешника остались лишь одни пни, но и те со временем выроют. Секира все истребила,

2 июня. В 6 часов утра ходили верст за 7 на фуражировку с Ольшевским, а возвратились в 5 пополудни; шли в колонне, при возвращении черкесы сильно нападали на левую цепь и арьергард. Они сегодня были чрезвычайно смелы, одно наше счастье, что выстрелы их, очень частые, были не совсем-то удачны. Некоторые из них подбегали к арьергарду на ровном месте ближе, чем на ружейный выстрел, не обращая внимания на орудия, из которых жарили по них картечью, в особенности мне было досадно на одного джигита в белых штанах. Он преследовал арьергард бегом с места до самого лагеря, но выстрелы его были неудачны: ни один из наших в арьергарде, кроме одного артиллериста не был ранен. Их было в сборе до двухсот человек. (...) Ночью стреляли они из-за речки залпами из ружей, не делали никакого вреда. Я и не виню их, они должны же, наконец, остервениться и стараться как можно больше наносить нам вреда, ибо что им больше осталось? Жилища их заняты, хлеб истребляем на фуражировках. Артиллерия на сегодняшней фуражировке действовала довольно хорошо: одно орудие, поставленное на горке, посылало им прием через час по ложке, что и удерживало их от сильнейшего натиска.

3 июня. С сегодняшнего дня у нас начинается общий стол, артель наша: я, Яковлев, Шейблер и Рошковский. В Одессу отправился на судне офицер для закупок, и мы тоже дали денег на сахар, ром, вино и прочее, там все вдесятеро дешевле против здешнего, сахару здесь фунт - 2 рубля. Третьего дня я получил письмо от брата Петра от 19 марта и удивляюсь, что не высылает мне денег. Сегодня вечером пароход поймал купеческое турецкое судно, приблизившееся к берегу. Пассажиров на оном было 27 турок, они имели бумаги, и потому были генералом отпущены. Турецкое судно не имеет права приближаться к берегам Черного моря ближе 2,5 миль.

4 июня. Ходил смотреть столетний дуб, простреленный с моря ядрами в двух местах во время десанта русских войск 1834 года. Одно ядро пробило его насквозь, а другое осталось в нем; потом был на горе, занимаемой 4-м батальоном Навагинского полка, откуда прелестный вид на море и на лагерь. Я очень

жалею, что не продолжал учиться рисовать, а то бы имел теперь прелестные виды Кавказа. (...) Ночь была прелестная, тихая, одни лишь волны морские, разбиваясь о берега, прерывали тишину; я долго разгуливал по берегу морскому.

5 июня. Наконец и у нас разбита палатка, а то жили до сих пор в балаганах со своими ротными командирами, но вообразите роскошь: кровати наши сделаны из фруктовых деревьев и переплетены виноградными лозами, мелкие морские камни заменяют паркет и сверх палатки сделан намет из деревьев, предохраняющий от зноя. (...)

6 июня. Воскресение (Троицын день). Сегодня праздник Навагинского полка и заложение крепости, названной Константиновскою, и мне досадно, что я не могу быть в параде - мой мундир до сих еще пор не привезен из Еленчика. Заложение крепости было следующим порядком: после обедни служили молебен на месте, назначенном для постройки крепости, потом это место окропили святой водой, сделали 101 пушечный выстрел, войска прошли церемониальным маршем мимо Вельяминова, ainsi, finita la comedia{*17}.

7 июня. В 2 часа пополудни наш батальон и один горный единорожек{*18} ходили для рекогносцировки дороги, идущей вдоль морского берега в Уланы{*19} (бухта); дорога здесь мерзкая: узенькая и частые овраги, так что горный единорожек спускали и вытаскивали почти на руках. С легкой артиллерией и со вьюком невозможно идти, мы ходили не далее двух верст, ибо тут дорога совершенно пропадает. По левой стороне дороги есть три небольших аула, по полям - прекрасный хлеб. На второй версте отрезали мы одного черкеса, стоявшего на пикете, он, заметивши нас, побежал в балку и с балки к морю. Когда он окружен был нашею цепью со всех сторон, то переводчик (по-ихнему, толмач) кричал ему, чтобы он сдался, что ему решительно ничего не сделают, но он, добежав до берега, бросает на берегу свою шапку и чевяки и кидается в море вплавь, отплывши шагов сто, кидает в сторону пистолет и шашку (ружье закинул еще в балке) и кричит, что он лучше утонет, чем сдастся. Пули градом на него посыпались, и он пошел ко дну, кровавое пятно лишь означало место, где он тонул, и линейный казак нырял несколько раз, чтобы достать его тело, но оно было слишком глубоко, оружия его тоже не могли достать. Как нравится вам дух этого черкеса? Но не трусость ли это, не боязнь ли сделаться пленником? Нет, я думаю, что это не что иное, как азиатская твердость характера: он решился лучше умереть, чем сделаться зависимым, чем лишиться своей свободы! (...)

8 июня. Пришло от корпусного командира барона Розена{34}

приказание, чтобы все гг. прикомандированные офицеры на царском смотру были бы непременно в полной парадной форме, почему я и написал в Москву к Александрову-1,{35} прося его выслать мне поскорее мою шапку. Нашего полка прапорщик Брикер отправляется сегодня в Тамань, дабы привезти сюда для смотра солдатские и офицерские вещи, ибо смотр, говорят, будет или здесь, или в Уланах. Постройка крепости уже началась. 1700 человек ежедневно работают и 1200 делают кирпич, не выжигая его, для устилки внутренней стороны крепостного вала и постройки казарм. Никто почти из прикомандированных гвардейцев не имеет с собою полной парадной формы, почему все теперь суетятся и торопятся выписать из Санкт-Петербурга. Войскам позволено находиться на смотру в фуражках. (...)

9 июня. С каким нетерпением пробегал я приказы по Гвардейскому корпусу,'{36} думая найти производство в полку, но вместо производства нашел, что государь 7 апреля при смотре нашего полка остался недовольным, почему Карл Иванович Бистром{37} и делает выговор всем начальникам. Товарищи мои, верно, завидуют теперь мне, воображая, что я здесь веселюсь, что я покоен, но как ошибаются они! С каким бы удовольствием желал я делить с ними и радость, и печаль! Вы не знаете, что здесь можно от нечего делать проспать последний ум, и что теперь уже такие жары, что добровольно никто не выходит из палатки раньше вечера, и что здесь первое удовольствие доставляют морские ванны.

Вельяминову дано знать, что два турецкие судна выгрузились в 4-х верстах от Джубы{*20}, почему и послан сегодня один батальон, 3-й Тенгинского полка, на пароходе и бриге "Меркурии" (на том самом, на котором Казарский{38} защищался против двух линейных турецких кораблей) под командой капитана 1-го ранга полковника Серебрякова,{39} дабы сжечь эти суда. Наш князь Долгорукий и его дальний родственник, свитский штабс-капитан, отправились охотниками (Долгорукий прикомандирован к 4-му батальону Тенгинского полка). Десант у реки Сапсуг{}an>.

10 июня. 10-е число нам другой раз уже не совсем-то благоприятствует. Я после обеда спал очень дурно, меня во сне все что-то беспокоило. Я скоро проснулся и чувствовал сильное биение сердца, может быть, причиною тому чрезмерные жары, которые с вчерашнего дня начались. Выхожу из палатки и узнаю от Шейблера человека, что князь Долгорукий убит. Я не верил, послал моего человека, но, не дождавшись его прибытия, побежал с Яковлевым в его палатку и вижу бедного князя на постели, покрытого простынею. Слезы невольно у меня навернулись, все, находившиеся здесь, были в каком-то недоумении, печаль

написана была на лицах, все посматривали изредка друг на друга, не говоря ни слова, даже никого не приветствовали; слезы облегчали немного их горе: ах! ужасно видеть товарища, который третьего дня был здоров и весел, мертвого, ужасно! Я отдернул слегка простыню, чтоб посмотреть его лицо и рану. Он совсем не переменился, на лице осталась даже прежняя улыбка. Жаль его, очень жаль, он был прекрасный товарищ и умер так молод - ему не больше 20 лет. Но что ж делать, мы все живем под Богом, умирают не старые, а поспелые. Мы не могли найти стола, чтобы положить его, и потому, приказав его обмыть и одеть в мундир, вынесли на кровати в церковь.

Теперь опишу, каким образом сделан был десант. Десант на берег сделан был на рассвете, в 4 часа утра, в 4-х верстах за Джубою, и оставались там до 10 утра. Черкесские пикеты, заметив еще издали пароход, зажгли по всему берегу маяки (сигналы для сбора), и в четверть часа их было уже в сборе до 600 человек, однако ж они не мешали десанту, но по всей горе в каждой лощине поделали засады, так что стрелки наши, которые пошли занять высоты, должны были из каждой балки выбивать их штыками; 27 раз ходили наши на ура в штыки, на 3-м завале роковая пуля ранила Долгорукого с правой стороны в грудь, в самую верхнюю пуговицу, половина пуговицы с сукном взошли в тело, и князь пал мертвым с обнаженной шашкой в руках. Стрелки заняли все высоты, и наши зажгли сначала одно судно, а потом и другое, но последнее черкесы успели по отступлении утащить в речку и потушить. При отступлении они крепко наседали: они гикали со всех сторон и стреляли в 3-х шагах. Стрелки не смели поднимать голов, одни лишь флотские орудия удерживали немного их запальчивость, артиллерии нашей не было. Потеря была с нашей стороны немаловажная. (...) Многие из рядовых ранены стрелами. (...)

11 июня. В 8 часов утра, после обедни, хоронили Долгорукого, мы несли его гроб на руках, все прикомандированные гвардейцы здесь были в мундирах, сам генерал Вельяминов, в мундире и ленте, сделал нам честь своим присутствием: он сам вынес с нами гроб из церкви и шел до самого кладбища. Это погребальное шествие было чрезвычайно трогательно: не только мы, но даже и посторонние не могли удержаться от слез. Похоронили его у подошвы горы под деревом, недалеко от морского берега, под пушечным выстрелом из крепости. Он думал приехать сюда на три года и остался навсегда, царствие ему небесное, вечный покой.

12 июня. Ходил с Ольшевским на фуражировку за Навагинскую гору. (...) Моя рота занимала большой аул, чтобы

никто не смел ничего в нем трогать. Я ходил по саклям, и они мне чрезвычайно понравились, особенно княжеская, в которой Люлье{40} жил 5 лет, в ней чрезвычайная чистота. Она состоит из одной комнаты, как и все сакли вообще, чисто вымазанной глиною внутри, без потолка и пола, печи нет, а сделана внутри комнаты к стене между окном и дверьми труба, расширяющаяся книзу и не доходящая до земли на 1 аршин, они под нею разводят огонь и готовят кушанье. Места для постели сделаны немного повыше полу, одна дверь и одно окно, очень низкое, закрывающееся деревянными ставнями. Крыша покрыта соломой, под одной крышей сделана также чистенькая конюшня для лошадей. На дворе сделаны два амбара, в коих мы нашли шелковых червей, и два амбара для хлеба. Сад у этого князя прекрасно обработан, у него есть виноград и многие фруктовые деревья, в том числе множество абрикосовых и персика, которые унизаны фруктами. Это огромный аул, состоящий сакель из 50-ти, где живут его крестьяне. Как обвинять их теперь, что они, привыкши к свободе, не хотят с нами примириться и защищают свои прелестные места?

13 июня. Сегодня получено известие, что отряд, состоящий под командой корпусного командира барона Розена, сделал десант в Адлер. Потеря состоит в 60 раненых и убитых, в числе коих ранено 5 офицеров и изрублен шашками Бестужев,{41} тело коего переходило несколько раз то к черкесам, то к нашим, и наконец осталось у черкес. Итак, в этом году мы лишились двух славнейших людей: Пушкина и Бестужева.

14 июня. Сегодня отъезжает в Петербург фельдъегерь, и я написал письмо к Соколовскому{42} и Александрову. (...) С каким удовольствием читал я "Библиотеку для чтения"!{43} Книги здесь так же редки, как хорошенькое, свежее личико в Петербурге.

15 июня. (...) Сегодня я начал упражняться в немецком языке и перевожу "Praktischer Unterricht in der deutschen Sprache" von Wilhelm Oertel.{44} (...)

20 июня. (...) Одна сторона крепостного вала уже кончена, земляная работа идет очень скоро, кирпич почти уже весь готов. (...)

22 июня. Сегодня в 6 часов утра приехал корпусный командир барон Розен и осматривал лагерь и крепость, а в 6 вечера уехал. Ольшевский ходил сегодня на фуражировку в ущелье на правой руке, не доходя Навагинской горы. Пришедши на место, 2 роты Тенгинского 2(-го) батальона заняли позицию на одной горе у балки, черкес было не более 30-ти, но потеря наших была немаловажна. Черкесы действовали молодцами и стреляли почти в упор. Они, видя, что тенгинцы кинулись на них, отрубили

руку цирюльнику и утащили у него бритвы и все, что было в сумке, потом, отойдя на ружейный выстрел, делили добычу в виду обеих рот. Впрочем, тенгинцев нельзя винить в этом случае, ибо они занимали весьма дурную позицию. (...)

24 июня. (...) Сегодня ровно месяц, как мы взяли штурмом Навагинскую гору, я часто любуюсь ею на фуражировках, и мне не верится, что мы ее заняли и выбили черкес: поставьте туда одну роту русских солдат, и она не пустит 5-тысячного отряда,

25 июня. Сегодня мы были у обедни в полной форме по случаю рождения государя императора. Вельяминов тоже был, по окончании литургии, когда провозглашали государю многия лета, из орудий сделали 101 пушечный выстрел.

(...)Вечер был теплый, прелестный, луна, выказываясь из-за гор, слабо освещала лагерь. Я пошел прогуляться - более из любопытству, чем для моциону по лагерю и заметил, что все радуются празднику: во многих местах поют песельники и пляшут, местами слышно наяривание на скрипке, солдаты возле палаток играют в разные игры, и те, которые потрезвее, усовещивают ложиться спать, говоря, что завтра рано вставать на работу. Флот тоже не забыл праздника: бриг "Меркурий" был иллюминован плошками и с него пустили несколько ракет. Если в походе мы празднуем рождение государя, что ж делается теперь в Петербурге! Сколько радостных лиц можно было видеть на разводе в Петергофе и сколько людей не спали покойно эту ночь в надежде производства или в надежде прицепить эксельбанты!

Все наши прикомандированные прошедшего года, кроме раненых и графа Бенкендорфа, получили орден Святой Анны, а раненые и граф Бенкендорф - Святого Владимира.

26 июня. Ходил с Полтининым на фуражировку версты за две по берегу моря, черкесских выстрелов было не более 5, ибо они едва успели выбраться из аулов. Не более, как за 400 шагов, в виду нашем, они конвоировали своих черкешенок это меня удивляет: они отсюда еще не удалились, знавши, что мы не оставим их в покое. Аул их совсем разобрали для дров, а хлеб покосили для лошадей. Мне жаль было сегодня смотреть, какой овес и просо мы выкосили: сколько трудов стоило им вспахать, посеять и на сколько бы времени достало им хлеба! (...)

27 июня. Сегодня мне сделали сюрприз: я получил рационы на четыре лошади за два месяца с лишком - 96-40 к., я никак не ожидал получить более, как на три (на одну лошадь - 10-50).

Я выбрил сегодня голову и ношу ермолку, а парик берегу для казусных случаев. Вельяминов объявил, что 10 июля мы идем в Джубу. Можно ожидать славных дел, ибо это их последний ресурс, это их столица; в Уланы зайдем только для снятия

местности на план. Какие предстоят еще трудности! Через сколько горок должны мы перебраться! Но чему быть, того не миновать. (...)

29 июня. Почти целый день шел дождь, ночью была сильная буря; я несколько раз просыпался и слышал, с каким ужасным шумом волны морские разбивались о берег. К утру ветер немного утих, но море все еще волновалось, и нашлось несколько охотников купаться, из числа коих один армейский улан чуть не заплатил жизнью: волны выкинули его на берег замертво, так что его откачивали на бурке - вот как дорого можно заплатить иногда за удовольствие.

Велено на ночь удвоить цепь, усилить секреты и чтобы 1-й батальон был всегда в готовности подкрепить караул, ибо лазутчики дали знать, что черкесы в большом сборе и хотят напасть на лагерь, их пикеты не далее от наших, как на 1 1/2 ружейного выстрела.

30 июня. (...) Как я рад, что достал "Рассказы и повести" Бестужева-Марлинского,{46} которые хотя несколько раз читал, но теперь с удовольствием перечитываю.

1 июля. Как живо рисуется в моем воображении петергофский праздник! На большой дороге в Стрельне теперь нет проходу, пыль столбом, я обыкновенно на этот день уезжал из лагеря в Стрельну. Петергоф, как магнит, притягивает теперь к себе со всех сторон. Пароход, баркасы, тихвинки и даже для смелых маленькие лодки не имеют недостатка в седоках, извозчикам раздолье, и, верно, вечером в Петербурге не найдешь ни одной кареты. Но и здесь мы тоже прогуливаемся по прелестным горкам, но прелестным для глаз, а не для того, чтобы на них ползать. В 5-м часу утра с Ольшевским мы ходили на фуражировку, не доходя Навагинской горы, налево, лошадей с нами было очень мало, а фуражу пропасть, и потому мы кончили очень скоро. Черкес было человек до 500, они стреляли сегодня в первый раз из пушки (длинная, как на торговых судах), но их 4 выстрела не сделали нам ни малейшего вреда. (...) Счастье наше, что пушка их очень занимала, они возились с нею, как нянька с ребенком, и воображали, верно, что каждый их выстрел положит, верно, человек 20. У них теперь большой сбор (вчера давал знать Ольшевскому лазутчик), к здешним приехали абазехи и сапсуги с Шепса и Афипса{*22}. (...) Вечером шел маленький дождик, если в Петергофе тоже, то иллюминация не очень завидная.

2 июля. Полтинин ходил сегодня на фуражировку по берегу моря. (...) Они сожгли два баркаса и принесли с собою невод саженей в 50, взятый из аула, который служит доказательством, что здесь много русских, ибо черкесы рыбы не едят. Пришел

"Инвалид",{47} и я начитал в нем, что поручик Савоини{48} 28 мая переведен ротмистром в Оренбургский уланский полк.

3 июля. Сегодня я не пошел на фуражировку со Штейбе, ибо немного побаливает грудь. (...) Какое удовольствие доставляют мне Бестужева повести! "Наезды", "Красное покрывало" и "Страшное гаданье" я сегодня читал и очень жалею, что так скоро кончил. Сегодня я получил от Тимофея Федоровича Мичерлика поливановскую шапку, она лучше моей, за которой я послал в Москву.

4 июля. Сегодня Вельяминов отправился на пароходе в Адлер, собственно, для того, чтобы осмотреть бухты Уланскую и Джубу. (...)

6 июля. 4 батальона под командой генерала Штейбе ходили за рубкой леса для крепости в ущелье налево. Рубка сия продолжалась чрезвычайно долго, ибо деревья рубили на высокой горе, откуда падали они в ужаснейший яр, где их обрубливали и вытаскивали, так что около одного дерева возилось до 80 человек; можно представить, как шло это медленно, ибо с 6 утра до 9 пополудни они нарубили всего 20 деревьев. В левой цепи во весь день, а особенно к вечеру, продолжалась перестрелка, и у нас убито и ранено 12 человек: убитых - 3, а раненых - 9, в том числе 1 убит и 2 ранено деревьями - вот как дорого стоили нам эти деревья. Я не был.

7 июля. Целый почти день провел в крепости, ибо был с рабочими. В крепости теперь ужасная суматоха: со всех сторон таскают в нее кирпич, укладывают кули с мукою, строят казармы и отделывают вал, но, несмотря на множество рабочих, крепость к 11-му числу не может быть кончена, почему и оставляют здесь 4 (-й) батальон Навагинского полка, 9-й Казачий полк и линейный батальон, что составляет 2080 человек с саперами и артиллеристами. (...)

Сегодня вечером один черкес, преследуемый 4-мя другими, также пешими, переплыл в нашем виду речку, и предался совершенно русским, и просил, чтобы ему дали место в одном из мирных аулов, просил также, чтобы забрать его семейство, которое не может уйти само, ибо черкесы имеют за ним надзор, почему на завтрашний день и назначен для забрания семейства линейный батальон под командой Полтинина.

8 июля. Зритель, верно, удивился бы, куда и зачем так близко к цепи и даже за цепь бегут со всех сторон офицеры, какое любопытство влечет их. Я сам бежал, как сумасшедший. Линейный батальон возвращался, и мы бежали навстречу, дабы увидеть черкешенок, одним словом, увидеть женщину, это милое создание, которого мы уже более 2-х месяцев не видели. Мы и не

обманулись: на телеге везли старика и старуху, отца и мать перебежавшего к нам черкеса, и молодую жену его с ребенком. У ней прелестные глаза, но она не брюнетка - у ней русые волосы, бела и бледна, может быть, от незнания своей будущей участи, но видно также, что она очень изнурена; она очень мила, и ей нельзя дать больше 18 лет. Мы провожали ее до самого штабу, забыв даже, что уже давно 12 часов (час обеденный); муж ее ехал верхом в свите Полтинина, а другие черкесы из нашего отряда джигитовали перед нею и стреляли в бумагу.

В воскресенье, 11-го числа, мы оставляем Пшаду и идем в Уланы, это почти уже решено, все же ненужные вещи отправляются в Еленчик, а больные и раненые в Керчь и Тамань.

9 июля. Ужасная суматоха: везде ломают балаганы и строят новые на берегу моря для больных, которых по случаю сильной зыби еще нельзя переправлять. Часть артиллерии везется в Уланы на кораблях. Как приятно купаться в море во время зыби, но только не надо удаляться от берегу, чтобы не унесло в море. Вечера уже несколько дней прелестные: тихие и теплые, дни же чрезвычайно жаркие - каково-то будет нам ползать по горкам.

Сегодня из 2-й гренадерской роты Навагинского полка, прикрывавшей пасущийся скот, бежало три солдата, они из противуположной горы начали кричать и манить к себе других, но по них пустили гранату, которая лопнула сзади их, и они ушли бегом. Странно, что здесь в военное время не позволено расстреливать беглых, оттого-то так много дезертиров.

10 июля. Сегодня работа продолжается только до обеда, после обеда дается людям роздых; все палатки уже сняты, и лагерь теперь совершенно военный: местами виднеются палатки, у офицеров поделаны балаганы из кож, войлоков, бурок и рогожек, солдаты поделали себе из шинелей. Впереди лагеря, на кургане, виднеется много черкес, они, верно, удивляются, что у нас сняты палатки и что мы остаемся на месте, завтра, может быть, они постараются с честью проводить столь долго у них гостивших гостей и избавивших их от труда жать хлеб и косить траву.

11 июля. Воскресение. (...) Выступили в 6 часов утра. До Навагинской горы не было ни одного выстрела, при повороте в ущелье, ведущее в Ауланы, имели перестрелку в боковых цепях и арьергарде. (...)

12 июля. В 4 часа утра выступили с полковником Бриммером{49} для разработки дороги через гору Суемчеатель{} an>, поросшую густым, толстым лесом; через нее проходит извилистая, узенькая, неровная черкесская дорожка, которую мы и должны были разработать так, чтобы легкие орудия удобно

могли пройти и зарядные ящики в три лошади. (...)

Подавались вперед очень медленно, ибо каждую возвышенность должны были брать штурмом и выбивать черкес из завалов штыками; местность черкесам очень благоприятствовала, но они дрались очень дурно; артиллерия наша почти не могла действовать, кроме обстреливая дорогу, 5 раз или более кидались мы на штыки и выбивали черкес из выгодной для них позиции. Трудно остановить русских солдат: когда они кидаются на штыки, для них нет препон. Множество крови служит верным доказательством, что черкесы имели большую потерю, при занятии одной высоты отбито несколько шашек, шапка вся в крови, пистолет и несколько патронов с порохом и пулями - это видно, что они еще не успели опомниться, как русские были уже на вершине. Здесь черкесы вместо обыкновенного ржу, когда кидались на шашки, кричали: "Ура!" - между ними было много русских беглых. Часу во 2-м пополудни присоединился к нам отряд, и наш батальон послали в подкрепление в левую цепь, где мы и шли до самого ночлега. Итак, можно сказать, что очень счастливо перевалились через гору Суемчеатель - место, столь удобное для черкес; жаль только генерала Штейбе, командовавшего правою цепью: он тяжело ранен в грудь навылет, с левой стороны пониже сердца. Он шел вместе с стрелками, и когда против одного аула начали черкесы стрелять, то он, показав, как стрелкам должно проходить мимо аула, приостановился, дабы показать следующему ротному командиру, как должно ему следовать; тут цепной офицер и ротный командир просили его, чтобы он не стоял на тычке, а чтобы сошел в роту, ибо его могут ранить, а что они сами передадут и исполнят в точности его приказание, то он сказал: "Скажите, пожалуйста, чем жизнь моя лучше вашей?" не прошло 5 минут - и он ранен. (...)

Сегодня ранен наш барон Штакельберг в арьергарде при отступлении из Суемчеательского лесу; черкесы были очень близко, и когда он, стоя за деревом, заметил одного из них, спрятавшегося за дерево близ арьергардной цепи, то, держа в правой руке чубук, высунул руку, чтобы показать ближайшей паре стрелков дерево, за которым находился черкес, как в то же мгновение трубка его - пополам, и два пальца правой руки были ранены.

13 июля. Выступили в 6-м часу утра, день был чрезвычайно жаркий, мы шли в колонне (1-й батальон) лишь по назначению, ибо беспрестанно занимали позиции и брали штурмом горы. Шли до самого Аулана по широкому ущелью, черкес было сегодня очень много, но стреляли они слишком далеко, так что пули не

долетали до цепи. У них была пушка и 10 фалконетов - все они почти были с левой стороны, и самое большое сборище было на одной горе, весьма для них удобной, через которую левая цепь должна была проходить, и 2-му батальону Навагинского полка должно было взять ее штурмом. Черкесы спустились в аул под горою и засыпали пулями, Загоскин послан был с горным единорожком для обстреливания горы и аула, только что прибыл он на место, один артиллерист убит и два ранены, он остался только с двумя, и сам банил орудие. 52 выстрела выпустил он, и орудие до того раскалилось, что он рисковал, что ему оторвет руки. Тут второй батальон при громком ура кинулся занять гору. (...) Когда заняли гору, то, зашедши в аул, увидели ужасную потерю у черкес (...).

Море увидели мы, не доходя до оного за 1/2 версты, и я с Шейблером кричал от радости, люди заметно были довольны, что окончили столь трудный переход, я сам чрезвычайно устал и желал очень отдохнуть. Ущелье и самая бухта Уланская гораздо шире Пшадской, народонаселение очень большое, ибо все ущелье, которым мы проходили, и горы засеяны хлебом, но аулов по дороге видно было очень мало, а то в таких местах, что, идя мимо самого аула, не подозреваешь, чтобы там были строения. Природа в Пшаде разнообразнее; здесь нет тенистых деревьев орешника, нет ни таких садов, ни рощ, здесь, большей частью, мелкий лес и кустарники, а держидерева столько, что пробраться трудно. (...)

14 июля. В 8 часов утра меня насилу добудились, и я отправился с батальоном на аванпост для занятия левой горы от моря. Черкесы сделали по нас несколько выстрелов, но мы заняли гору благополучно, расставили цепь и приказали для стрелков поделать тотчас завалы. Вода в речке Аулан, впадающей под этой горою в море, соленая, и берут воду для питья с другой речки, Тешепс, впадающей в море под противуположной горою. Суда транспортные пришли раньше нас двумя днями, и черкесы стреляли по них из фалконетов.

Вечер был удивительный, море очень тихо, по пробитии зари я любовался с горы видом лагеря. Если бы был здесь Брюллов, {50} то он, верно бы, не упустил случая срисовать этот вид. Нет, я думаю, лазури, которою бы можно было изобразить цвет здешнего неба, испещренного миллионами звезд. Все ущелье между горами и морем на расстоянии до 2-х верст усеяно разной величины звездочками, прелестными звездочками, которые земля, кажется, похитила с небес; на противуположной горе мелькают тоже несколько звездочек от огней, разведенных на аванпостах, за горою, в ущелье, - огненный столб от аула, зажженного черкесами, левее горы - несколько пылающих копен

хлеба, вдали виднеется огонек от черкесского пикета, на расстоянии мили от берега - несколько судов, на которых также мелькают звездочки, - какой же нужно вам иллюминации. (...)

15 июля. Сменились с аванпостов в 4 часа утра, туман еще покрывал землю, и солнце чуть выказывалось из-за гор, мы переправились через речку в лодке, а люди, совершенно раздевшись, - вброд, держа над головами все платье и ружья. (...)

17 июля. Черкесы беспрестанно стреляют в тенгинцев, которые занимают противуположную гору, они даже установили противу них орудие и попаливают из-за балки то в них, то в лагерь, но два наши орудия, поставленные по протяжению оной балки, заставили черкес тот же час удалиться с занимаемой ими позиции.

В 5 часов пополудни Вельяминов осматривал позиции на обеих горах, и с горы, занимаемой тенгинцами, его спускали на руках.

18 июля. Ходил осматривать лагерь пешком, но не имел духу, чтобы обойти его кругом, ибо он чрезвычайно растянут, а проклятое держидерево не пропускает напрямик. Очистка лесу идет довольно медленно, ибо ужасные кусты держидерева трудно рубить, его сваливают в кучи и каждый вечер жгут, так что если нет ветру, то весь лагерь в дыму.

19 июля. Наш походный штаб-офицер, князь Шаховской, уехал в Одессу для разных закупок, а на место его назначен граф Толстой. Наш барон Штакельберг и все больные и раненые уехали сегодня в Тамань.

Сегодня я принужден был встать в 4 часа утра, ибо наряжен был с рабочими для рубки леса; отвёвши рабочих и узнавши их распределение, я возвратился в палатку и снова лег, но сильная ружейная перестрелка и частая пальба из пушек не дали мне уснуть, и я принужден был встать. Пальба эта происходила на фуражировке, на которую отправился полковник Ольшевский с 3 батальонами в 5 часов утра и расположился фуражировать в виду самого лагеря, 1-й батальон Навагинского полка шел в правой цепи. Ольшевский, желая надуть черкес, пошел сначала по ущелью прямо, забирая даже вправо, но потом вдруг велел правой цепи зайти правым плечом вперед и поворотил колонну совсем налево, почему и пришлось 1-му батальону занять гору, по левую сторону ущелья находящуюся. Тут при прохождении 2-й роты мимо аула под горою черкесы начали стрелять из балки. Зазыбин, бывши только один офицер в роте, кинулся с стрелками на ура в штыки, наши с черкесами сошлись не более как на 10 шагов, один лишь каменный бугор разделял их, никакие приказания Ольшевского, чтобы Зазыбин остановился, не помогли: он до того

разгорячился, что не помнил себя, он все кричал своим стрелкам: "Вперед!" - и, выбежавши за цепь, положен был на месте: в грудь с левой стороны чуть ниже шеи. Когда четыре стрелка кинулись за его телом, то в ту же минуту все четыре были ранены, и черкесы гикнули, переранили еще многих, взяли тело Зазыбина и сняли с него все догола; в это время подоспела 3-я рота и, кинувшись на ура, отбила тело. (...) Зазыбин - прекрасный молодой человек, его очень жаль, он командовал 2-ю мушкетерскою ротою и третьего только дня получил орден Святого Станислава за прошлогоднюю экспедицию и не успел еще ни разу надеть его. Вот наша жизнь!

20 июля. В 10 часов утра хоронили Зазыбина, почти все офицеры Навагинского полка провожали его. Вечером я был у именинника Ильи Емельянова.

Человек в военное время теряет все почти нежные чувства, делается равнодушным ко всему и, видевши на каждом шагу смерть перед глазами, делается равнодушным и к смерти: он спокойно смотрит на убитых, иногда лишь только тяжелораненые возбуждают в нем минутную жалость.

21 июля. Был с батальоном для прикрытия рабочих. Этакой скуки я еще не видывал: сидеть в густом лесу целый день с 4-х часов утра до 9-ти вечера, где в двух шагах ничего не видно, и от скуки поверять стрелков; книг здесь решительно никаких нельзя достать. К вечеру лесу как не бывало: где едва можно было утром пробраться, теперь лишь стоят кучи хворосту, и мы возвращаемся по открытому месту, и лишь попадающиеся под ноги еще не вырытые пни показывают, что здесь был лес. (...)

22 июля. Ко всем здешним удовольствиям надобно прибавить еще и то, что скоро придется сидеть нам на пище Святого Антония, ибо ни говядины, ни баранины, ни даже бульону нет ни у одного маркитанта, Солдаты же едят солонину. Теперь, если я напишу к кому-нибудь из моих товарищей в Петербург, что у нас есть нечего, то они, верно, будут смеяться и скажут, что я выдумываю им это для большей важности, ибо стоять на берегу Черного моря, невдалеке от Тамани, где лучший скот в России, и невдалеке от Одессы, где можно все иметь чуть не даром, право, забавно. Сегодня начали уже копать глину для делания кирпича для крепости, (...)

24 июля. Место для крепости уже обозначено кольями, она будет для 2-х рот, в полтора раза больше пшадской. Тут будет также и батальонный штаб. Земля здесь довольно каменистая, и пропасть пней нужно будет вырывать, зато вал не будет так высок, как в Пшаде, ибо, несмотря уже на гораздо большую отдаленность от гор, она строится на возвышенном месте, командующем окружною местностью.

25 июля. Сегодня в последний раз я выбрил голову. 4-й батальон Кабардинского полка поставили версты за 1 1/2 вперед от нашего лагеря, дабы черкесы не могли вредить рабочим в крепости. Они поделали кругом завалы, так что составляют особенное укрепление, и ночью лагерь не имеет с ними никакого сообщения, зато людей из этого батальона никуда не берут, они даже не будут ходить на фуражировки. Кирпичу предполагается сделать всего 200 тысяч, лишь для обшивки внутренней стороны вала, а бойницы, как в Пшаде, не будут делать из кирпича, а будут делать вместо оных туры. Наш полк остается, кажется, на своем месте. (...)

27 июля. Черкесы приезжали для выкупа тела, давали двух лошадей и оружие, но Вельяминов объявил им, что если хотят иметь тело, то чтоб привели 10 быков к вечеру, на что они не согласились и просили, чтобы отдали им тело и что и они будут за это отдавать наши тела, но Вельяминов сказал, что ему мертвых не нужно.

Приезжавший сегодня уздень для выкупа тела есть главный бунтовщик между шапсугами, он считается между ними самым храбрым и отважным, и точно, судя по нем, и должен быть таковым: 12-ти вершков росту, лицом бел, быстрый взгляд, хорошо одет и отлично вооружен, он показывал патроны, выстреленные по нас.

Прибывший сегодня из Тамани доктор Земский говорит, что читал, что за Навагинскую гору произведены все ротные командиры в следующие чины, а майор Красник, командир батальона, - в подполковники. Дай Бог, чтоб это была правда!

28 июля. (...) Сегодня мы были на пище Святого Антония: наш обед и ужин состоял из арбузов, вчера привезенных; маркитантам запрещено было продавать до тех пор, пока будут иметь говядину, и они хотели уехать, сняли палатки и отправили уже вещи на море, следовательно, мы остались бы без ничего, ибо вольным маркитантам продажа была запрещена. К вечеру позволено им снова продавать, с тем, однако ж, чтоб они имели говядину, и они снова разбили палатки.

Морской штаб-офицер, приехавший из Адлера, рассказал нам новость, что на днях черкесы напали на цепь днем, после обеда, изрубили 54 человека, а 26 пропало без вести (вероятно, взяты живьем), и удалились без всякой потери.

29 июля. Сегодня был парад по случаю заложения крепости, названной Михайловскою, и привезли приказ от 25 июня, из коего удостоверились, что наши ротные командиры 1-го батальона и батальонный командир произведены в следующие чины за отличие в сражении противу горцев - это за дело, бывшее

24 мая при взятии штурмом Навагинской горы. Мы же ничего не получили, ибо не были помещены в реляции по милости полкового адъютанта. Полтинин перед нами извинялся, и мы после обеда у него пировали, я нарезался, как стелька, и всех решительно ругал, не сердясь, но в шутку, ибо это доставляло мне большое удовольствие.

30 июля. Сегодня артель наша уменьшилась, и я остался в палатке один, Яшка лее уехал, по предписанию Вельяминова, в Анапу для обучения гарнизонной службе двух батальонов. (...)

Ночью сегодня был такой сильный ветер, что не давал спать, и я думал, что снесет совсем палатку.

31 июля. С Полтининым ходили для рубки лесу для крепости 3 батальона, наш батальон был в левой цепи и несколько раз выбивал черкес на ура, которых конных и пеших было против нас до 100 человек. При занятии аула несколько конных черкес были от нас не более как на 1/2 ружейного выстрела, мы бежали за ними и стреляли, но они, нимало не конфузясь, удалялись от нас шагом и меленькою рысью; приостанавливая лошадь в удобных местах, они по нас стреляли. Мы засыпали их пулями, но ни одного не могли ранить, ибо это были панцирники, одеты, как я еще не видел: все почти на серых лошадях, черкески обшиты серебром, опушки шапок белые и молодцы собою, но это, верно, не здешние сапсуги, а, верно, кубанские или абазехи, которые на сражение надевают самое лучшее платье, какое у них есть. Аул в роще, которая назначена была для рубки, заняли мы благополучно, ибо черкесы оставили его, боясь быть отрезанными. Я до того сегодня запыхался и устал, что вряд ли бы был в состоянии бежать еще дальше: видя перед собою неприятеля, позабываешь об усталости. Занявши аул, мы тотчас заняли выгодные для нас позиции, в авангарде пошла сильная перепалка, но пушки заставили черкес на время замолчать. Не прошло часу по занятии позиций, как черкесы, сделав несколько выстрелов с противной стороны, вдруг гикнули (человек 50) на последнюю пару авангардной цепи, изрубив ее, кинулись в интервал, оставленный между авангардною цепью и цепью с левой стороны для пушки, на резерв, и, перерубив шашками несколько человек и видя, что бежит на помощь рота, ушли и спустились в балку; они успели с двух изрубленных снять сапоги и у одного отрезать суму с патронами. Вырубив 29 деревьев, мы отретировались почти без потери, заплатив, однако ж, не слишком-то дешево. (...) Удары шашками чрезвычайно сильные и больше в голову, так что раненные шашками вряд ли останутся живы. (...)

1 августа. Сегодня разбудили меня в 5 часов утра, и я, не

успев даже напиться чаю, отправился с батальоном для работы крепости, и очень счастлив, что достал вчера "Вудстока", сочинение сира Вальтер Скотта, перевод с французского де Шаплет,{51} эта книга теперь мне очень кстати. Крепостную работу производят ровно 3 тысячи человек, каждой роте дан урок, окончивши который, она может идти домой, это для людей очень выгодно, ибо они стараются поскорей окончить свои уроки и идут потом отдыхать: от 11 утра до часу пополудни - шабаш. Грунт земли для работы чрезвычайно труден, ибо большею частью каменист, так что копают землю кирками, вал самый высокий - в 9 футов (в Пшаде был в 18). Крепость предполагается кончить к 6 сентября, дай Бог, чтоб поскорее, а то у нас нет дня покойного: то на фуражировку, то для прикрытия рабочих в крепости и скота, то для прикрытия рубки леса, то на гору на аванпост или, наконец, на работу крепости, где офицеры должны непременно находиться целый день.

Сегодня за дело при взятии Навагинской горы получено в 1-й батальон 8 солдатских Георгиевских крестов для раздачи отличившимся. (...)

2 августа. Сегодня я чувствую себя не совсем-то здоровым, ибо болит горло и грудь, почему и отрапортовался больным. (...)

3 августа. Приехавший сегодня лазутчик объявил, что сюда приехал Казбич{52} с 500 или даже и более (шапсугами), что он намерен напасть на лагерь ночью, по каковому случаю и велено быть всегда одному батальону по очереди готову.

Сегодня приходили сюда два черкеса из Пшады, которые просили у Вельяминова позволения торговать с нами, то есть продавать рогатый скот, овец, масла, меду и прочее, на что генерал согласился и дал им 10 целковых. Вельяминов поехал на пароходе осматривать берега Джубы и, вероятно, заедет в Адлер.

Не понимаю, что бы значило, что не получаю ни от брата, ни из полка писем, это меня бесит, ибо письма, верно, заброшены в Екатеринодаре, а, может быть, и потеряны. (...)

4 августа. Ходил вечером осматривать крепость, работа идет очень скоро: не прошло 5 дней, а половина вала уже почти готова, несмотря на то, что к стороне моря работа чрезвычайно трудная, огромные камни ломают кирками и ломом. Сегодня при рытье рва нашли саблю, большой гвоздь и кинжал, превратившиеся совершенно в заржавленные, также синий камень, обделанный в золото, фигурою похожий на фермуар, - это доказывает, что здесь жили когда-то люди гораздо образованнее черкес, но это когда-то простирается, может быть, за тысячу лет: греки имели здесь свои колонии. Крепость чрезвычайно длинна и к стороне моря очень узка; кажется, что к 1 сентября она будет готова, так что ее можно

будет оставить. Я и забыл написать, что теперь лагерь одушевился немного музыкою и певчими Тенгинского полка, которые прибыли сюда 30 июля и каждый вечер у палатки Вельяминова играют и поют.

Сегодня приехал сюда из Анапы купец и выстроил деревянный балаган около штабу, у него можно все иметь и довольно по сходной цене, но что толку в нем, когда ни у меня, ни у артельных моих товарищей нет ни копейки: жалованья нам не дали под предлогом, будто мы поздно отдали наши аттестаты, а рационов, хоть на них не очень и раскутишься, тоже не получили.

Вельяминов представил, чтобы мы рационные деньги получали серебром, это было бы очень недурно.

5 августа. Полтинин с 4(-мя) батальонами и с 8(-мью) орудиями ходил сегодня на фуражировку. Черкесы были в сборе, их было до 500, и они делились на несколько колонн, коими командовал один разъезжавший сзади их на белой лошади мулла или гаджи (как у того, так и у другого шапка оборочена белою шалью, но первый есть священник, а вторыми называются все те, которые были в Мекке). Когда второй батальон Навагинского полка пошел на гору для занятия позиции, то черкесы, сделав по 2-й гренадерской роте залп, кинулись на шашки. Я был в это время в палатке, ужасный крик заставил меня выйти, и я видел, как наши бегом занимали гору, ужасный гик заглушал ура; черкес было пропасть, но они неожиданно попались, воображая, что тут только одна рота, между тем как 2-я гренадерская кинулась на них на штыки, 4-я мушкетерская и 5-я мушкетерская приняли их с боков и душили перекрестными залпами. Потеря черкес была ужасная: они едва успевали подбирать тела, а у нас убито всего трое и ранено два. Когда все замолкло и позиции нашими были заняты, то еще просвистело три или четыре черкесских пуль, и одна из них попала прямо в сердце Меньщикову,{53} так что тот только успел вздохнуть. Полтинин, видя, что он порядочно отщелкал черкес, отправил свой 2-й батальон в лагерь и пошел с остальными тремя версты еще с две дальше, где совсем не видно уже было черкес и не было более пяти выстрелов при отступлении. Это послужит для них уроком, и они не будут сметь так близко подползать. Бедный Меньщиков был жертвою сегодняшней фуражировки, его очень жаль: он прекрасный малый и еще так молод, третьего дня он получил из Ставрополя от сестры золотой крестик и по получении, будто предчувствуя свою близкую смерть, просил поручика Рыкова, чтобы он потрудился отправить крестик обратно к сестре в случае, если его убьют. (...)

6 августа. Сегодня большой праздник, и потому людям дан

роздых и работы никакой не производится; в Петербурге теперь парад у Спас-Преображения по случаю праздника Преображенского полка. Этот день напоминает мне мое детство: я помню, с каким нетерпением дожидал я этого дня, чтоб поесть яблок и меду, ибо в этот день у нас в Малороссии святятся в церкви спелые яблоки, груши и мед.

В 6 часов вечера я отдал последний христианский долг Меныцикову, мы несли его гроб, все Гвардейского корпуса офицеры одеты были в мундирах, тут были почти все офицеры Навагинского полка и некоторые - других. Как жаль его, бедного, как горестно хоронить своего товарища, хотя совершенно чуждого, но каково будет услышать родителям его и родственникам! Эта минута ужасна и иногда может быть для них смертельна.

7 августа. Полковник Бриммер с 4(-мя) батальонами ходил на фуражировку, (...) егеря, кинувшись на ура, захватили одно черкесское тело и притащили его в лагерь, за что один из первых получил от Вельяминова червонец. (...) Казбич после фуражировки, бывшей перед этою, когда его отпотчевали отсюда, совсем уехал. (...)

8 августа. Трое черкес приезжали сегодня за телом и получили его без всякого выкупа. Время сделалось теперь довольно холодное, так что невозможно купаться, вчера в первый раз еще была здесь ввечеру после зари сильная гроза, и дождь шел почти целую ночь. Надобно заметить, что мы утром пьем чай, когда кто встанет, обедаем в 12, вечером пьем чай, когда солнце сядет за горой, и ужинаем тотчас после заревой пушки, и если кого из нас в это время нет, то мы не дожидаем. (...)

10 августа. Вчерашнюю ночь к рассвету была сильная гроза, несколько громовых ударов было столь сильных и отрывистых, что казалось, что они раздробляли горы, никто почти в это время не мог спать, дождь шел почти целую ночь, к рассвету все утихло, но тучи не проходили, и в 2 часа пополудни сделалась сильная буря: ветер беспрестанно переменялся, облака бежали навстречу и разражались сильными ударами грома, проливной дождь шел целый час, и к концу в продолжение 5(-ти) минут падал большой град с голубиное яйцо, но неправильной фигуры, с колючками. Многие палатки, как офицерские, так и солдатские, совсем снесло водою, в лагере вдруг явилось несколько быстрых речек, ибо когда дождь перестал и я пошел полюбоваться морем, то во многих местах принужден был переходить воду по колено; несколько кулей муки и несколько печеных хлебов унесла вода, Берег морской весь усыпан был любопытными зрителями, море волновалось, и казалось, хочет поглотить корабли, стоящие на

якорях. Одну мачту сломало. Мою палатку дождь не пробил, и я любовался бурей, которой еще никогда не видел в такой силе. Работа крепостная сегодня ничуть не подвинулась, ибо работали только утром, после же бури работать не было возможности, ибо рвы наполнены были водою. (...)

12 августа. Ночью был ужасный морской ветер с дождем, так что я не мог спать, особенно же к рассвету. Сегодня я написал письма домой. В крепости выливали только воду из рвов, земляная же работа не производилась. (...)

14 августа. Погода установилась, море чрезвычайно тихо, и работы начались. Весь почти кирпич, сделанный до сего дня, испортило бывшим дождем, и его переделывают сызнова. Сколько придала эта погода работы людям! Вид лагеря сделался чрезвычайно жалок: везде разрушенные бурей балаганы, местами вода, а местами непроходимая почти грязь, обе горы, занимаемые аванпостами, оголились и пожелтели.

15 августа. Сегодня с отъезжающим судном в Еленчик отправил я свои письма. Из Пшады пришло известие, что капитан Зуев, командующий 4-м батальоном, умер. Работа сегодня не производилась по случаю праздника Рождества Богородицы.

16 августа. Полковник Бриммер с тремя батальонами ходил на фуражировку в ущелье на левой руке, черкес было много, и они много стреляли, но никого из наших не ранили. Я смотрел, как наши ретировались, и это имело вид маленькой баталии: густой дым в ущелье от зажженного аула, в роще дым и гром от пушек, ружейные выстрелы и отступление бегом стрелков с горы в две линии - все это могло бы составить удивительную картину.

17 августа. Сегодня наши произведенные праздновали взятие Навагинской горы, но я не мог быть, ибо рапортуюсь больным. От нечего делать я целый почти день бродил по лагерю, вечером был на горе, занимаемой тенгинцами, откуда весь лагерь как на ладони, и горы видны верст в окружности на двадцать; подъем на гору чрезвычайно трудный и крутой, облегченный, впрочем, земляной лестницей. Крепостной вал совершенно сегодня кончен начерно, завтра начнется очистка. Дай Бог, чтобы поскорее мы выступили, а то смертельная скука. Если бы можно было в этой прелестной стороне гулять где хочешь, то тогда бы не было так скучно и можно бы было сколько-нибудь себя развлечь. Сколько прелестных рощ вблизи, не более 300 шагов за цепью, прелестные долины, но цепь граничит нас, и мы между гор, морем и цепью сидим, как в клетке, и ходим лишь за цепь на фуражировки, где некогда наслаждаться прелестями природы.

18 августа.(...) В крепости началась уже обшивка внутренностей, но не кирпичом, как в Пшаде, а камнем, ибо

кирпич еще не готов.

19 августа. Сегодня я рапортовался здоровым и разрешил себе купаться в море, ибо погода опять установилась прекрасная. Сегодня я получил высочайше пожалованное мне полугодовое жалованье на подъем, за вычетом инвалидам 45 рублей и 3 рубля на почту - 402 рубля ассигнациями. (...)

21 августа. (...) Целый день провел я сегодня с рабочими в крепости - вот удовольствие, сопряженное с пользою: здесь невольно изучаешься фортификации, ходя взад и вперед около своих рабочих по крепостному валу. Вот уже третий день, как я начал купаться в море, вода отличная, но только по утрам и вечерам воздух довольно холоден.

Сегодня я получил три письма от Петра Ивановича от 1-го, 4-го и 25-го июня.

22 августа. Сегодня по случаю коронации государя и государыни - церковный парад с 101 пушечным выстрелом, флот тоже стрелял и развесил свои красивые флаги. Работа в крепости по случаю праздника не производится.

23 августа. (...) Фуражировки теперь всякий раз будут нам дорого стоить, ибо поблизости фуражу нет, а надобно ходить верст за 10, где слишком большое народонаселение.

24 августа. Сегодня прибыла сюда сотня запорожских казаков из Еленчика на 4(-х) лодках, на каждой лодке есть пушка; они будут крейсировать и держать сообщение между крепостями, из них есть некоторые, которые перевозили государя через Дунай. Оружие их состоит из короткого ружья со штыком через плечо, сабли и пистолета при левом боку, а одежда: синие шаровары и малиновая куртка с синими рукавами, шапка, как у донских казаков, с малиновым верхом. Это прежние некрасовцы,{54} передавшиеся на нашу сторону.

25 августа. Дни сделались снова чрезвычайно жаркие, и погода пока стоит хорошая. (...).

28 августа. Сегодня я получил от Николая Ивановича Александрова письмо из Тулы, он пишет, что шапку из Москвы приказал мне выслать. Шейблер заболел желчною горячкою.

29 августа. Сегодня я получил от Яковлева письмо из Анапы, и при оном повестка на имя мое на 3300 рублей. Не понимаю, откуда бы могли быть эти деньги, тогда как брат Петр Иванович писал ко мне, что не может выслать, неужели А(ршеневский) вспомнил обо мне, а может быть, эти деньги присланы от кого-нибудь для покупок. После зари от 3-й роты 100 человек старых солдат под командой майора Борейки и сотня запорожцев - все под командой полковника Серебрякова отправились, куда и зачем - неизвестно, на пароходе и на бриге. Иные говорят, что для

сожжения за Джубой турецких кораблей, а другие, что заслуживает более вероятия, - для развлечения черкес, чтобы они нас не так преследовали. Рошковский поехал охотником.

30 августа. Сегодня по случаю праздника Александра Невского работа в крепости не производится. (...) Палатки все снимаются и нагружаются на корабли для препровождения в Еленчик.

31 августа. Лагерь теперь в жалком виде: все солдаты на биваках, у офицеров есть палатки, которые возьмутся на вьюках, или балаганы; все балаганы разобраны. Работа в крепости производится. Дни почти уже с неделю чрезвычайно жаркие, от мух нигде нельзя спрятаться, вечера теплые, чудесные, и при лунном свете после зари чудесно купаться, ибо вода теплее, чем днем, и ветру нет.

1 сентября. Целый день и целую ночь производится нагрузка на корабли. Черкесы с нетерпением ожидают нашего выступления, они разгуливают по горкам против лагеря. День сегодня такой жаркий, каких еще не бывало в продолжение целого лета. Всё перетаскивают в крепость, завтра намерены выступить. Дай Бог счастливо добраться до Еленчика! Вот уже 4 месяца, как мы за Кубанью и не знаем другого крова, как палатка, но много предстоит еще впереди, и, верно, черкесы не будут столь неучтивы, чтоб не проводили с честью своих дорогих гостей. Я полагаю, что в Пшаде и здесь истребили мы столько фуражу, что, верно бы, 1000 семействам черкесским достаточно было для прокормления себя целый год.

Третья рота с десанту возвратилась, но майор Борейко уже не существует: он убит, и поручик Рошковский ранен в левую ногу ниже колена - легко. Я был у него сейчас на пароходе и поздравлял его: он едет в Еленчик и кончил счастливо экспедицию, а нам - нам предстоит еще много! Я был на пароходе в такой чистой комнате, какой уже 6 месяцев не видел, я сидел на диване и пил чай из прекрасных чашек, признаюсь, что здесь это роскошь.

100 человек 3(-й) роты и сотня запорожских казаков, отправившись 29 августа вечером, ночевали не очень далеко от Вулана, 30-го числа в 3 часа утра по дороге к Адлеру заметили они турецкое судно на реке Гамитухадж, и так как видно было много черкес, то десанту не сделали, а разбили судно в прах ядрами (500 ядер было выпущено), и в это время собралось до 1000 черкес. Разбивши судно, они отплыли немного подальше от берегу и остановились на якоре, ночью снялись с якоря и пустились далее, и 3 1 -го на рассвете у реки Чухух, недалеко от Субашей, заметили турецкое судно и сделали десант, в одну

минуту оно было зажжено, запорожцы дрались молодцами, тут убит Борейко и ранен Рошковский. (...) Судно это ожидало только попутного ветру для отплытия, ибо оно было нагружено медом, кукурузой и проч. Черкес под конец собралось очень много, но наши живо отступили под картечными выстрелами из парохода и брига. Тут взяли еще маленький баркасик. У черкес потеря была большая. Барон Шейблер отправился на пароходе в Еленчик, Рошковский тоже. Завтра в путь, Боже, благослови!

2 сентября. Выступили с Вулана до восхода солнца, версты три шли спокойно, потом началась сильная перестрелка в правой цепи; на перевале через гору Суемчеуатель черкесы сильно наседали на арьергард, и кабардинцы, бывшие в арьергарде, захватили одного черкеса живого, коему тотчас связали руки и отдали в авангард под караул. Дорогой мы все истребляли, попадавшиеся копны сена и хлеба или брали с собою, или легли, все аулы предавали пламени, так что все ущелье сзади было в дыму. Мы сделали 21 версту почти без привалу и остановились на ночлег, не доходя до Навагинской горы версты три. По прибытии на ночлег нас тотчас отправили на гору на аванпост для занятия аула: мы прикрывали водопой. По закате солнца вид был удивительный: луна выказывалась из-за гор и слабо светила, по всему ущелью горели аулы версты на три. (...) Для окончания Михайловской крепости оставили 2 саперные роты, один казачий полк, 2 роты линейных и одну сотню запорожских казаков.

3 сентября. С восходом солнца мы тронулись. (...) До самой Навагинской горы была перестрелка, особенно же в правой цепи, но уже не столько сильная, как вчера. Мы пришли в Пшаду в 1-м часу пополудни и расположились около самой крепости. Итак, благодаря Бога, мы совершили трехдневный переход в полтора дня, и можно далее сказать, довольно счастливо. (...) Черкесы приезжали сегодня за выкупом пленного, но им не отдали, ибо не сошлись в условиях.

4 сентября. (...) Здешняя крепость совершенно кончена, кроме казарм, которые еще не совсем кончены, в ней более 300 человек лежит теперь раненых и больных.

В 4-м батальоне Навагинского полка, который здесь оставался, много очень переболело, и теперь в лазарете до 200 человек. Сегодня один черкес-старик перешел совсем к нам и уверяет, что им решительно нечего есть.

5 сентября. Целую почти ночь я не мог сомкнуть глаз от сильного ветра, срывавшего несколько раз палатку. Дождь лил почти целую ночь, и на море был ужаснейший шторм, какого моряки не запомнят; два купеческих славянских судна двухмачтовых сорвало с якоря и выкинуло на берег, оба они не

годятся к употреблению; один матрос утонул, остальные же все спаслись.

Целую ночь и потом целый день заняты были выгрузкою этих судов, их совершенно разобрали; этот шторм был причиною того, что мы сегодня не выступили, ибо судов этих нельзя было бросить. На рассвете ветер немного утих, но дождь не переставал, еще утром море сильно волновалось, пароход, лавируя взад и вперед, нырял, как утка, к вечеру море успокоилось. Сегодня утром 7 черкес, в том числе Эндароглу и Мегмет-али, первый бунтовщик, приезжали за выкупом пленного и согласились дать за него двух унтер-офицеров. После обеда я был с рабочими в крепости. В этот же шторм в Еленчике выкинуло три судна и в Анапе - 7.

6 сентября. По восхождении солнца мы выступили, и так как в продолжение почти целого дня шел дождь, то перестрелки большой не было. Часу в 6-м вечера мы остановились на ночлег. (...)

7 сентября. Выступили в 7-м часу утра. (...) Люди чрезвычайно устали не столько от походу, как от дурной погоды, ибо всю прошедшую ночь шел дождь и люди, не могши спать, грелись у огней. Не доходя до ночлегу, я видел несколько яблонь в цвете, что, говорят старики, есть признак сильной зимы.

8 сентября. Выступили в 7-м часу утра. (...) Это переход не трудный: не более 10 верст, и то по мирному окладу, горы остаются в стороне, и цепи идут почти по ровному месту. Аулов по сю сторону гор нет, черкесы любуются нами с высоты гор и не тревожат нас. (...) В 2 часа пополудни мы прибыли в Еленчик. (...)

10 сентября. Целый день я был с рабочими, которые рубят кустарники для очистки места для лагеря и плацу.

11 сентября. Целую ночь шел дождь, на рассвете немного разгулялось. В лагере теперь ужасная суматоха: пригоняют и белят амуницию, учат рекрут и расчищают место для лагеря - все делается вдруг.

12 сентября. Сегодня черкесы выкупили пленного черкеса, отдав за него двух наших пленных унтер-офицеров. Пленник наш очень благодарил, что с ним хорошо обходились и хорошо кормили. В Еленчик прибыло теперь множество штаб- и обер-офицеров к царскому смотру, в том числе и Кашутин, он совсем здоров и вступил в командование полка. Дождь шел в продолжение почти целого дня, и вечером сверкала молния. (...)

15 сентября. Производится очистка места впереди лагеря, дабы можно было маршировать. Лагерь наш расположен в одной линии: на правом фланге Тенгинкий, потом - Навагинский и Кабардинский полки, казаки - сзади.

16 сентября. Сегодня прибыл в отряд барон Штакельберг, он совершенно здоров, но пальцами свободно не может действовать.

17 сентября. Сегодня делал всей дивизии смотр генерал Линген.

18 сентября. Сегодня делал смотр генерал Вельяминов, все прикомандированные кавалеристы находились на правом фланге всего отряда.

19 сентября. Ночью поднялся столь сильный ветер с гор, что посрывал все палатки, моя устояла до рассвета, но на рассвете я велел ее повалить, дабы ее не порвало в куски. Все солдатские палатки лежали на земле, едва можно устоять на ногах против столь сильного ветру. Начали строить кухню для государя, но палатки ветер не давал ставить. Вельяминов хотел ехать в Анапу навстречу государю, но прибывший на пароходе адъютант Меншикова{55} Васильев объявил, что государь будет или сегодня вечером, или завтра утром, почему Вельяминов и остался. 4(-й) батальон Навагинского полка и один казачий полк отправлены для занятия самого хребта гор до тех пор, пока государь находиться будет в лагере.

20 сентября. В 8 часов утра увидели мы пароход, но не знали еще, кто едет, между тем пароход приблизился и, выкинув желтый флаг с орлом, разрешил загадку. Весь лагерь кричал: "Ура!" - с крепости, со всех корабельных орудий и из лагеря салютовали. Солдаты были в восхищении о приезде государя, они и одеваясь не переставали кричать, они никогда еще не видели русского владыки и потому с нетерпением ожидали, чтобы он высадился. Ветер не переставал, нельзя было и думать, чтобы государь съехал на берег, но всегда отважный и желающий поскорее видеть своих храбрых воинов, он в 11 часов утра съехал на берег и прибыл в лагерь. Солдаты построены были в боевом порядке на линейках в мундирах, ранцах и фуражках, офицеры - в сертуках и фуражках, при шарфах; прикомандированные кавалеристы - на правых флангах полков, к коим прикомандированы, а пешие - во фрунте. С трудом можно было стоять: фрунт волновался и знамя едва могли держать. Государь обходил войска пешком, с ним наследник, граф Орлов,{56} Меншиков, Адлерберг,{57} Кавелин{58} и какой-то прусский штаб-офицер. Радостное "ура" сливалось от правого к левому флангу. Обошедши войска, государь пошел в палатку к генералу Вельяминову. В это время в Еленчике сделался пожар: загорелось сено и мука и сгорело всего тысяч на 200, почему и отправили тотчас в крепость один батальон. Вышедши из палатки, государь очень ласково разговаривал со многими офицерами и солдатами, благодарил последних за их храбрость, дал несколько

Георгиевских крестов собственноручно солдатам, оказавшим мужество, и которые были помещены в реляциях, кроме того, дал в каждую роту по два Георгиевских креста с тем, чтобы солдаты сами между собою назначили их храбрейшим и достойнейшим, и велел выбрать с каждого батальона по 8 человек в Гвардию. После сего государь отправился в Еленчик, где присутствовал при пожаре до тех пор, пока он начал стихать. Обходя лазарет, государь навесил сам на некоторых раненых Георгиевские кресты и осчастливил своим посещением генерала Штейбе, коему позволил ехать пользоваться за границу и дал на подъем 1000 червонцев (12 тысяч рублей). Государь остался ночевать в крепости.

21 сентября. Ужаснейший ветер продолжается, не стихая ни на минуту, нет ни одной палатки, которая бы устояла, сегодня и Вельяминова палатку опрокинуло. Мы поделали себе балаганы низенькие, напялив их палатками, и сидим в них, как лисы в норах. Ольшевский получил от государя 3000 ежегодно столовых, а Сердаковский{59} - 1500, Линген единовременно - 10 тысяч рублей.

22 сентября. Ночью ветер еще усилился, но к вечеру сделался немного сноснее, и в 5 часов пополудни государь сел на пароход, где и остался ночевать.

23 сентября. В 4 часа пополудни государь снялся с якоря, не поднимая своего флагу, солдаты в лагере кричали: "Ура!". Сегодня все укладываются и приготовляются к походу. Все солдатские вещи перевозят в Еленчик. Причины геленчицкого пожара настояще не известны, но говорят, что подожгли нарочно, почему государь остался очень недоволен и велел произвести строгое следствие, для коего и оставлен в крепости полковник Бринк.{60}

24 сентября. (...) Сегодня больше сотни черкес перебралось на сю сторону гор и ранили одного казака в цепи у прикрытия скотины.

25 сентября. (...) Выступили из Еленчика в 6 часов утра, маленький дождик, помочивший нас несколько минут, послужил предзнаменованием хорошего, удачного похода. (...)

26 сентября. (...) Погода во весь день была самая осенняя, холодная, и притом изредка моросил дождик, туман не проходил ни на минуту. Мы остановились на ночь часу в 5-м пополудни, ибо за туманом далее нельзя было идти.

27 сентября. Выступили в 6 часов утра и пришли в Абин в 4 часа пополудни, где и расположились на ночлег. (...) Здесь горы начали постепенно исчезать, и глазам нашим представилась впереди обширная равнина. Пробывши в горах 5 месяцев, теперь

очень странно видеть равнину. День был чрезвычайно серый и холодный. Завтра идем вперед с Алексеем Александровичем (Вельяминовым). Мне не верится, что завтра увидим Кубань, по крайней мере, так многие надеются, но до Кубани еще 3 6 верст, черкесы здесь лихие, стреляют метко, и одна роковая пуля может прекратить все надежды.

28 сентября. Ночью, часу около первого, черкесы с двух сторон сделали несколько залпов из ружей, пули просвистели над нашими палатками, но никому не причинили вреда; пикеты черкесские виднелись кругом нашего лагеря. Выступили с Алексеем Александровичем (...) в 6-м часу на легких, составя свой авангард, арьергард и боковые цепи, отряд двинулся вслед за нами. (...) Мы шли очень скоро, так что далеко за собой оставили отряд. Привал сделали на Кунипсе, и, дождавшись отряда, который на нашем месте остался ночевать, двинулись вперед, и в 5 часов пополудни были уже в Ольгинском тет-де-поне{*24} и расположились на левом берегу Кубани. Я тотчас переехал в Европу, и самый воздух показался мне несравненно лучшим, одним словом, мне легче было дышать, и Ольгинское, прежде столь скучное, показалось нам веселым: здесь были три лавки и мы могли почти все иметь. (...) Теперь остается благодарить Бога за счастливое окончание экспедиции столь трудной,

29 сентября. В час пополудни отряд прибыл благополучно, и солдаты в восхищении, что их распускают по квартирам, ибо второго периоду не будет.

В 4 часа пополудни в Навагинском полку был молебен за благополучное окончание экспедиции и потом - панихида за убиенных на брани. Да, у нас в полку убито 7 офицеров, в числе коих - 5 ротных командиров.

30 сентября, В 2 часа пополудни отряд при барабанном бое и песнях переправился на родимую сторону Кубани, и тут пошли все роты врознь по своим зимовым квартирам. В 3 часа пополудни я с бароном Шейблером отправился в Екатеринодар на телеге, а люди наши - сзади нас верхами. (...)

1 октября. Люди партикулярные лишены многих удовольствий против военных. Как приятно было уснуть в теплой комнате и пить чай со сливками! Да, это удовольствие может понять только военный. Пять месяцев мы не знали другого крова, кроме палатки и бивака, а о сливках нечего и говорить, был бы только сухарь, труды же переносили такие, какие редко встречаются, а может быть, и никогда! В европейской кампании! В европейской кампании больше удовольствий, больше жизни, я вижу своего врага, здесь же не видишь, откуда летят пули, лоскутник избирает такое место, откуда его и видеть, и выбить

трудно, жизнь каждую минуту в опасности, тогда как в европейской кампании - только при виде неприятеля. В европейской кампании я сражаюсь по роду моей службы, здесь я, кавалерист, ползаю с пехотой по горам; там встречаете деревни, видите людей, здесь - ни того, ни другого. (...) Екатеринодар очень переменился в свою хорошую сторону: дома и решетки подкрашены, везде заметна чистота, улицы высыпаны песком. Кто был прежде в Екатеринодаре и видит его теперь, тому немудрено догадаться, что ожидают приезду какого-нибудь важного человека.

3 октября. Сегодня я был в соборе и отслужил благодарственный молебен за благополучное окончание экспедиции.

Примечания, размещенные после текста

{1}Штакельберг Фердинанд Владимирович, барон, - прапорщик л.-гв. Конной артиллерии.

{2}Яковлев Павел Андреевич - поручик л.-гв. Литовского полка, впоследствии генерал-майор.

{3}Стандершельд Карл Карлович - поручик л.-гв. 2-й артиллерийской бригады.

{4}Флеминг Адриан Егорович, барон, - подпоручик л.-гв. Павловского полка, в 1848 г. переведен в Мингрельский егерский полк подполковником.

{5}Емельянов Илья Васильевич - поручик л.-гв. Волынского полка.

{6}Здесь и далее не комментируются лица, о которых не удалось обнаружить дополнительных сведений, кроме тех, которые содержатся в дневнике.

{7}Вельяминов Алексей Александрович (1785-1838) - генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г., друг и помощник А. П. Ермолова, с 1831 г. - начальник Кавказской области и командующий войсками Кавказской линии и Черноморья.

{8}Поливанов Николай Иванович (1814-1874) - выпускник Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, приятель М. Ю. Лермонтова. В 1837 г. корнет л.-гв. Уланского полка, впоследствии его командир.

{9}Линген - генерал-майор, командующий 1-й бригадой 20-й пехотной дивизии.

{10}Долгорукий Николай Николаевич, князь (ум. в 1837 г.) - корнет л.-гв. Конного полка.

{11}Столыпин Алексей Аркадьевич (1816-1858) - выпускник Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, корнет л.-гв. Гусарского полка, родственник и друг М. Ю.

Лермонтова.

{12}Загоскин Яков Николаевич - подпоручик 3-й гвардейской и гренадерской артиллерийской бригады.

{13}Заводовский Николай Степанович (1783-1853) - генерал от кавалерии, наказной атаман Черноморского казачьего войска с 1830 г.

{14}Цебриков Николай Романович (1800-1862) - прапорщик Тифлисского пехотного полка, в 1826 г. разжалован из поручиков л.-гв. Финляндского полка в солдаты.

{15}Симановский Петр Иванович - двоюродный брат автора дневника.

{16}Полтинин Михаил Петрович - полковник, командир Навагинского полка с 1837 г., в 1847 г. произведен в генерал-лейтенанты.

{17}Унковский-2 Николай Иванович - корнет л.-гв. Кирасирского Его Величества полка.

{18}Ерин Владимир Петрович - поручик Одесского уланского полка, куда был переведен в 1836 г. из прапорщиков л.-гв. Финляндского полка.

{19}Алехин Модест Петрович - подпоручик л.-гв. Егерского полка.

{20}Шейблер Евгений Карлович, барон - корнет л.-гв. Уланского Его Высочества полка.

{21}"Фенелла" - опера Ф. Обера. Премьера состоялась в Париже в 1828 г.

{22}Аршеневский Дмитрий Никандрович, поручик л.-гв. Конного полка.

{23}Русский инвалид, или Военные ведомости. No 90. СПб., 10 апреля 1837 г.

{24}Горбачев Василий Павлович, в феврале 1837 г. переведен из Сибирского уланского полка в л.-гв. Драгунский полк, а в апреле - в л.-гв. Уланский. В 1848 г. назначен командиром Кирасирского принца Петра Ольденбургского полка.

{25}Майнов Василий Никифорович - в 1833 г. поручиком переведен из л.-гв. Финляндского полка в л.-гв Уланский, из которого уволен в отставку в 1840 г. в чине ротмистра.

{26}Ольшевский Марцелин Матвеевич (1796-1866) - полковник, состоявший при Вельяминове для особых поручений. Впоследствии генерал-лейтенант.

{27}Кашутин Василий Алексеевич (1793-1840) - полковник, командир Тенгинского полка с 1834 г. В 1838 г. произведен в генерал-майоры.

{28}Масальский Николай Федорович, князь (1812-1879) - поручик л.-гв 1-й артиллерийской бригады. Впоследствии генерал

от артиллерии.

{29}Егоров, поручик Навагинского полка - командир 1-й гренадерской роты.

{30}Фон Штейбе Николай Александрович (ум. в 1837 г.) - генерал-майор артиллерии, состоял при Отдельном Кавказском корпусе с 1834 г.

{31}Рошковский Октавий Серафимович - поручик л.-гв. Гродненского гусарского полка.

{32}Миницкий Илиодор Осипович - штабс-ротмистр л.-гв. Уланского полка, адъютант барона Розена.

{33}Eugne Sue (1804-1857). "La Salamandre". Paris, 1832.

{34}Розен Григорий Владимирович, барон (1782-1841) - генерал от инфантерии, командующий Отдельным Кавказским корпусом с 1831 по 1837 г.

{35}Александров-1 Николай Иванович - поручик л.-гв. Уланского полка, в 1846 г. уволен в отставку в чине полковника.

{36}Приказ по Отдельному Гвардейскому корпусу. No 59. СПб., 11 апреля 1837г.

{37}Бистром Карл Иванович (1770-1838) - генерал от инфантерии, помощник командира Отдельного Гвардейского корпуса, великого князя Михаила Павловича.

{38}Казарский Александр Иванович (1797-1833) - капитан 1-го ранга, флигель-адъютант. В 1829 г. в Константиновском проливе 18-пушечный бриг "Меркурий", находившийся под его командой, был атакован двумя турецкими кораблями (110-пушечным и 74-пушечным) и принял бой.

{39}Серебряков Лазарь Маркович - капитан 1-го ранга. Позднее адмирал и член Адмиралтейств-Совета с 1856 г.

{40}Люлье Леонтий Яковлевич (1805-1862) - этнограф, автор ряда книг, посвященных Кавказу. Около 40 лет служил на восточном берегу Черного моря, с 1834 г. находился при Вельяминове в качестве дипломатического чиновника.

{41}Бестужев Александр Александрович (псевдоним - Марлинский) (1797-1837) - русский писатель, декабрист. Служил рядовым на Кавказе, за храбрость был произведен в прапорщики. В 1837 г. состоял при бароне Розене, участвовал в экспедиции в Цебельду, 7 июня был смертельно ранен и захвачен горцами, могила его неизвестна.

{42}Соколовский Николай Павлович - корнет л.-гв. Уланского полка.

{43}"Библиотека для чтения" - ежемесячный журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и музыки. Выходил в С.-Петербурге с 1834 по 1865 г.

{44}Oertel Wilhelm. Practischer Unterricht in der deutschen

Sprache. St.-Pbg, 1830.

{45}Бенкендорф Константин Константинович, граф (1817-1858) - поручик л.-гв. Конного полка.

{46}А. Марлинский. Русские повести и рассказы. Ч. 2. СПб., 1835.

{47}Русский, инвалид, или Военные ведомости. No 139. СПб., 5 июня 1837 г.

{48}Савоини Александр Еремеевич - поручик л.-гв. Уланского полка.

{49}Бриммер Эдуард Владимирович (1797-1874) - полковник, с 1832 по 1837 г. командовал 29-й артиллерийской бригадой при Отдельном Кавказском корпусе.

{50}Брюллов Карл Павлович (1799-1852) - знаменитый русский художник академической школы, автор картины "Последний день Помпеи".

{51}Вальтер Скотт. Вудсток, или Всадник. История Кромвельских времен. 1651 г. Пер. с фр. С. де Шаплет. СПб., 1829.

{52}Казилбеч Шеретлуков (или Казбич) - знаменитый вождь шапсугов, до 1863 г. сопротивлявшийся русским войскам.

{53}Меньщиков - прапорщик Гренадерского, короля Прусского, полка.

{54}Некрасовцы - казаки, предки которых после Булавинского бунта под предводительством Игната Некрасы ушли на Кубань, а в середине XVIII в. перебрались в Турцию, на Дунай; принимали участие в войнах с Россией.

{55}Меншиков Александр Сергеевич (1787-1869) - адмирал, генерал-адъютант, начальник Главного морского штаба с 1829 г.

{56}Орлов Алексей Федорович, граф (1786-1861) - генерал-адъютант, военный деятель и дипломат, с 1836 г. - член Государственного совета.

{57}Адлерберг Владимир Федорович (1791 -1884) - директор канцелярии начальника Главного штаба, генерал-адъютант в свите Николая I.

{58}Кавелин Александр Александрович (1793-1850) - генерал от инфантерии, с 1834 по 1841 г. состоял при наследнике цесаревиче. С 1842 г. - член Государственного совета.

{59}Сердаковский - капитан, состоявший при Вельяминове для особых поручений.

{60}Фон Бринк Егор Егорович (ум. 1841) - полковник Тенгинского полка, комендант Анапы.

Подстрочные примечания

{*1}В. А. Мануйлов. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова { Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, с. 648.

{*2}К. Н. Манзей. История л.-гв. Гусарского Его Величества

полка. 1775-1857 гг. Ч. 2. СПб., 1859, с. 198.

{*3}Приказ по Отдельному Гвардейскому корпусу. РПБ, 135/62 - 1837. No 59. СПб., 11 апреля 18.37 г.

{*4}Приказ по Отдельному Гвардейскому корпусу. РПБ, 135/62 - 1837. No 37. СПб., 6 марта 1837 г.

{*5}Петербургский некрополь. Т. 4. СПб., 1913, с. 75.

{*6}Г. И. Филипсон. Воспоминания. М., 1885, с. 120-122, 140.

{*7}Воспоминания о Кавказе 1837 г. { Библиотека для чтения. Т. 80-81. СПб., 1847. М. Ф. Федоров. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год { Кавказский сборник. Т. 3. Тифлис, 1879, с. 1-250. Г. И. Филипсон. Воспоминания. М., 1885.

{*8}Шест, жердь.

{*9}Адская музыка (фр.).

{*10}Разновидность малой пушки, которая ставится на железную рогатину.

{*11}Геленджик.

{*12}Шапсуги - одно из черкесских племен.

{*13}В шахматном порядке (фр.).

{*14}Далее сведения об убитых, раненых и контуженых опускаются.

{*15}Название пропущено.

{*16}Кстати (фр.).

{*17}Итак (фр.), комедия окончена (шп,).

{*18}Длиннохвостая гаубица, стреляющая гранатами. (длинноствольная? - OCR)

{*19}Вулан, река, бухта.

{*20}Джубга. река.

{*21}Шапсухо.

{*22}Названия рек.

{*23}Суемчеуатль.

{*24}Мостовое укрепление (фр.).